
ЛЕДИ ПОД ПРИКРЫТИЕМ
НАТАЛИ ЭМБЕР
ПОМОЩНИЦА
ВЕРХОВНОГО ДОЗНАВАТЕЛЯ

Натали Эмбер
Помощница верховного дознавателя

https://litres.ru/74896314
SelfPub; 2026

Аннотация

Я стала помощницей дракона-дознавателя, чтобы не отправиться на виселицу. А как иначе доказать свою невиновность? Конечно, найти того, в чьих злодеяниях пытаются обвинить меня!

Но чем ближе разгадка, тем ярче пылает огонь между нами. Теперь мне нужно не только выжить, но и не сгореть в этом пламени.

В книге есть:

Решительная героиня

Дознаватель-дракон

Тайны и расследования

Магия и любовь

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	55
Глава 9	63
Глава 10	69
Глава 11	75
Глава 12	83
Глава 13	91
Глава 14	98
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Натали Эмбер
Помощница верховного дознавателя

Глава 1

– Виновна! – кричали люди на улице, когда меня со связанными руками вели на допрос.

Сегодняшний день не заладился с самого утра. Тучи висят низко, словно пытаются заглянуть в окна узких улиц, и каждый шаг кажется звуком приговора.

Когда в дверь моей маленькой хижины постучали, я уже знала, за кем пришли.

Стража не грубила, но и не предлагала выбора. Меня скрутили и доставили в управление дознания. Здание из серого камня с резными львами над входом, где каждый шаг по мраморным плитам отдаётся эхом, как в часовне.

Вот мы поднимаемся на второй этаж. Взгляд выхватывает дубовую дверь с латунной табличкой: «Дознаватель Альберт Арден». Стражи словно по команде останавливаются. Один из них открывает дверь, другой толкает меня внутрь.

Кабинет просторный, но холодный. Тёмные стены, высокие книжные шкафы, камин, где угли тлеют ровным крас-

ным светом. В воздухе витают запахи чернил, пергамента и чего-то металлического.

За дубовым столом сидит мужчина с идеально зачёсанными назад чёрными волосами. Одет он слишком дорого для нашего провинциального городка: тёмно-синий фрак, белоснежная рубашка, перчатки и галстук, завязанный безупречно.

Взгляд – пронзительный, спокойный, почти бесстрастный. Но от него по коже пробегает холодок, будто он видит меня насквозь.

Он не встаёт. Просто слегка склоняет голову, не сводя с меня глаз.

– Мисс Холт, знаете, зачем вы здесь? – голос низкий, ровный, опасно спокойный.

– Полагаю, из-за того, что случилось под мостом, – отвечаю тихо.

– Верно, – дознаватель откидывается в кресле, сцепляя пальцы в перчатках, – Свидетели видели вас на месте преступления. Ваша одежда была запачкана кровью, – он делает короткую паузу, – Хотел бы я поверить в совпадение, но их слишком много для одной девушки.

Он прав, все улики указывают на меня. Мне грозит виселица. Как же доказать ему, что я невиновна?

– Я не убийца! – отчаянно вырывается у меня. – Я пыталась помочь!

– Помочь? Кому? – голос Ардена звучит почти с насмеш-

кой, но глаза остаются холодными, как сталь. – Жертве или убийце?

Я делаю вдох, стараясь не выдать дрожь в голосе.

– Девушке. Она была ещё жива.

Он молчит, рассматривает меня пристально, будто читает между словами. В камине потрескивают угли, и от этого звука становится только тревожнее.

– Любопытно, – произносит он наконец. – Вы утверждаете, что случайно оказались на месте убийства?

– Да. Я часто хожу той дорогой.

– Поздним вечером? Под дождём? – его голос по-прежнему спокоен, но каждое слово бьёт точно в цель.

– Я возвращалась домой из лавки, услышала крик, – мой голос дрожит, предательски срывается. – Но когда добралась, было уже поздно. Вы ошибаетесь, считая меня убийцей.

На мгновение между нами повисает тишина – вязкая, как густой туман за окном.

Я слышу, как трещит огонь в камине, как за моей спиной кто-то из стражей переступает с ноги на ногу. Всё остальное будто замирает.

Он встаёт, обходит стол и останавливается слишком близко. От него пахнет дождём, пергаментом и едва уловимым ароматом древесного парфюма.

– Ошибаюсь? – его голос становится тихим, вкрадчивым. – Видите ли, мисс Холт, я не верю в ошибки. Только в мотивы.

Он наклоняется ближе. На свету от камина его глаза кажутся почти чёрными, но где-то глубоко в них отражается красноватое пламя.

– И в тех, кто слишком отчаянно старается их скрыть. Девушка мертва. Рядом вы, с кровью на руках. Ваш платок найден возле жертвы.

Испуганно сглатываю. Платок. Я обронила его случайно, когда убегала.

Чувствую, как стражи за спиной перехватывают взглядами каждое моё движение, словно я действительно преступница.

– Но я никого не убивала, – выдыхаю почти беззвучно.

– Сколько вам лет, мисс Холт?

– Девятнадцать.

– Девятнадцать, – повторяет он задумчиво, – Вы слишком молоды, чтобы лгать так убедительно.

– Я не лгу!

– Все так говорят. До приговора.

Чувствую, как в груди сжимается. Мне становится трудно дышать.

– У меня есть брат, – тихо произношу. – Михе всего семь. После моего ареста его заберут в приют.

Альберт Арден поднимает взгляд. Впервые на его лице появляется нечто, похожее на колебание. Не жалость – он

слишком собран для таких чувств. Но будто тень сомнения.

– Мне жаль вашего брата. Но закон есть закон.

Жаль. Слово режет, как нож. Неужели ничего не изменить?

Я сжимаю руки в кулаки. Он не должен узнать, кто я на самом деле. Но если меня осудят, тайна уже не будет иметь никакого значения.

Чтобы спасти себя от виселицы, а брата от приюта, я решаюсь на отчаянный шаг. Поднимаю голову, встречая его пронзительный взгляд.

– Если я помогу вам. Найду того, кто это сделал. Вы отпустите меня?

– И как же вы это сделаете, если не можете доказать даже свою невиновность? – он приподнимает бровь.

– Я похожа на тех, кого он убивает. Это не может быть случайностью. Пусть он увидит меня. Выберет своей следующей жертвой.

– Правда? – его взгляд становится настороженным.

– Да. Волосы того же цвета, глаза… даже платье почти такое же, как у меня когда-то было.

Наступает тишина. Слышно, как потрескивает камин, где-то в коридоре стучат сапоги.

Альберт Арден подходит ближе. Его глаза – почти чёрные, но где-то в глубине вспыхивает свет, будто в них отражается пламя.

– Вы предлагаете себя в качестве приманки?

– Да. Если это спасёт моего брата.

Он смотрит молча, несколько долгих секунд. Потом резко выдыхает, словно принимая решение, которое ему не нравится.

– Развяжите её, – он подходит к двери и коротко кивает стражам.

Облегчённо выдыхаю, чувствуя, как к пальцам возвращается кровь.

– Но имейте в виду, мисс Холт, с этой минуты вы под моим надзором, – произносит он ровно. – Любой шаг в сторону – и я сам отведу вас к виселице.

– Понимаю.

Он смотрит на меня ещё мгновение, а потом добавляет тише:

– С сегодняшнего дня вы живёте в моём доме. Для всех вы – моя новая горничная. О вашей миссии… поговорим позже.

– Горничная? – я едва не смеюсь. Горько. – Это… неожиданно.

Он подходит ближе, настолько, что я чувствую его дыхание на своей щеке.

– Назовите это как хотите. Главное – помните: я не верю вам. Пока не докажете свою невиновность.

Я киваю. Смиренно. Хотя внутри всё кричит.

Мне страшно. Стыдно. И почему-то… больно.

– Стража, – произносит он не глядя. – Отведите мисс Холт в комнату ожидания.

Меня берут под локти, и я снова слышу звон шагов по мраморному полу.

Но перед тем как выйти, оборачиваюсь.

Альберт Арден стоит у камина, спиной ко мне. Пламя отражается в его тёмных волосах, скользит по плечам, словно гладит их с какой-то зловещей нежностью. Тени дрожат на стенах, и вдруг, мне кажется – это не свет играет. Это огонь тянется к нему, узнаёт своего хозяина.

Я не знаю, кто он. Человек или чудовище, что прячет клыки за холодной вежливостью. Но одно понимаю точно: моя судьба теперь в руках этого мужчины.

———

Альберт Арден

Министерство не оставляет мне выбора. Либо я закрываю это дело, либо подаю в отставку. Последнее для меня равносильно смерти. Ведь это единственная работа, где я всё ещё могу быть собой. Могу задействовать чутьё дракона, оставаясь при этом человеком.

Драконы начали вымирать задолго до моего рождения. Сначала люди пытались нас подчинить, связать договором, цепями, магией. А когда не вышло, начали просто истреблять.

Мать спрятала меня в горах. Я был ещё слишком мал, чтобы понимать, почему нельзя шуметь, почему нельзя летать, почему нельзя показываться. Однажды она не вернулась. Ни в тот день, ни на следующий. Больше никогда я её не видел.

Мне пришлось скрываться долгие годы. Менять имена. Лица. Города. Я рос среди людей, притворяясь одним из них, учился дышать тише, чувствовать меньше, держать свою вторую сущность под замком.

Однажды я понял, что драконов больше никто не помнит. Мы превратились в легенды, сказки для детей, страшилки у костра. Сменилось несколько поколений. Люди, которые живут сейчас, невиновны в нашем истреблении. С этой мыслью мне стало немного легче жить среди них.

Лишь иногда на меня накатывает тоска по небу. Хочется взмыть под облака и кружить, наслаждаясь потоками ветра. Когда над горами сгущалась гроза, я позволял себе эту маленькую слабость. Один полёт. Один вдох полной грудью.

Я уже почти свыкся с подобной жизнью, пока однажды не почувствовал кого-то равного себе. Могущественную тень, скрывавшуюся в тумане. Древнюю силу, от которой моя драконья сущность встрепенулась, подняла голову и зарычала.

С трудом сдерживаю гнев, сжимая в руке приказ.

Я снова в Кромбурге, забытом богами городе на окраине королевства, с которого началась моя карьера дознавателя.

Пятнадцать лет назад я был слишком близко к разгадке. Мне почти удалось загнать убийцу в угол, но в последний момент, он ускользнул.

Драконья сущность во мне требовала броситься в погоню, найти и растерзать мерзавца, но из Министерства пришёл новый приказ. Я был вынужден прекратить расследование.

Причина до сих пор неизвестна. Возможно, я зашёл слишком далеко. Возможно, убийца имел связи с властью. Или дело было не в нём, а во мне. Тогда я не стал задавать вопросов. Просто подчинился.

И вот теперь, спустя пятнадцать лет, он объявился снова.

Похожий почерк, похожая внешность жертв.

Почему убийца затаился на пятнадцать лет для меня остаётся загадкой. Но я был весьма удивлён, когда мне доложили, что на месте преступления задержали девушку.

Мои мысли прерывает стук металлических каблуков по коридору. Должно быть, это мои подручные возвращаются с задания. Она вместе с ними. Я чувствую это ещё до того, как дверь открывается. Слышу её сбитое дыхание. У драконов очень чувствительный слух.

Когда я вижу её, в памяти снова всплывают события пятнадцатилетней давности. Она как две капли воды похожа на жертву. Золотистые волосы, ямочки на щеках и большие распахнутые глаза.

Элинор Холт смотрит на меня с нескрываемым страхом. Говорит нескладно, но не врёт. Скорее чего-то недоговаривает.

Все улики против неё, но драконье чутьё не обманешь. Эта девушка не убийца. Однако что-то в ней привлекает моё внимание. Под маской страха я чувствую стержень. Упрямство. Решимость. Опасную способность идти до конца, даже не понимая, куда именно.

Когда она вдруг заявляет, что готова помочь расследованию, я чувствую раздражение. И тревогу. Мысль о том, что Элинор может стать приманкой, мне категорически не нравится.

Почему она решилась на столь отчаянный шаг? Что она ищет на самом деле?

Я непременно должен разгадать эту загадку, а заодно, наконец, закрыть дело, которое не даёт мне покоя уже пятнадцать лет. Даже если для этого придётся выпустить дракона наружу.

Глава 2

Одним днём раньше

– Убийца! В Кромбург вернулся убийца! – кричит глашатай на центральной площади, так громко, что даже голуби срываются с крыши ратуши. – Будьте осторожны, добрые горожане! Не ходите поодиночке!

– Свежие новости! Покупайте свежие новости! – вторит ему торговец газет, вспотевший, с красным лицом и заляпанным передником.

– Дай-ка мне это! – тонкий мальчишеский голос разрезает гул толпы. Миха выхватывает газету из рук торговца и, смеясь, бросается прочь.

– А ну, вернись, паршивец! – орёт тот ему вслед, но без особого энтузиазма. Живота хватает только на три шага погони.

Я стою у лавки с хлебом, держа корзину, полную свежих булок, и закатываю глаза.

– Миха… – выдыхаю я, когда он подскакивает ко мне, сияющий, как солнце после дождя.

– Эй, Элинор! Смотри, что я добыл у старого зеваки Роя! – он гордо трясёт газетой, словно трофеем.

– Миха, я же говорила, воровать нехорошо, – напоминаю я, глядя строго, хотя уголки губ непослушно дрожат.

Он уже не слушает. Его глаза – яркие, живые – горят лю-

бопытством.

– Слышала, что кричал глашатай? Давай почитаем! Может, там про настоящего монстра!

– Монстров не бывает, – машинально отвечаю я, но сама вспоминаю, как много лет назад по ночам слышала крики матери и стук сапог за окном. Как монстр всё же пришёл – только не из сказки.

Мы садимся на крыльцо пекарни. Воздух пахнет дрожжами, корицей и свежими булками. Обычно этот запах делает город уютным, почти домашним, но сегодня – нет. Сегодня даже аромат хлеба не может прогнать холод, что прячется между строк новостей.

Миха водит пальцем по строчкам, морщит лоб. Он ещё толком не умеет читать.

– Элли, помоги, – просит тихо, глядя на меня снизу вверх.

Я вздыхаю и беру газету. Пальцы холодеют, как только вижу крупный заголовок, набранный жирными чёрными буквами:

НОВАЯ ЖЕРТВА ПОД МОСТОМ. УБИЙЦА ВОЗВРАЩАЕТСЯ?

– Вот оно, – шепчу, чувствуя, как внутри всё сжимается. – Под мостом найдено тело девушки. Ей было восемнадцать лет. Светлые волосы… голубые глаза…

Мой голос предательски срывается.

Описание будто написано обо мне.

– Элли? – Миха тянет меня за рукав. – Что там?

– Ничего, – отвечаю слишком быстро. – Просто… ужасная история.

Читаю дальше, но слова расплываются. Мысли уже несутся куда-то далеко, в прошлое.

Всё началось пятнадцать лет назад.

Я снова слышу тот крик, что однажды разделил мою жизнь на до и после.

Мама кричала не от страха. Её голос был твёрдым, как сталь, когда она сказала:

– Беги вниз. И не выходи, пока я не позову.

Я не понимала, почему в её глазах столько ужаса. Почему руки дрожат, когда она захлопывает за мной крышку подвала.

А потом – глухой стук. Мужской голос.

Звук падения.

И тишина.

Только тяжёлые шаги наверху, размеренные, чужие, будто отмеряют каждую секунду, что отделяет меня от конца.

Мама не позвала. На следующий день её тело нашли под мостом.

Я не помню, как плакала. Кажется, просто сидела в подвале, пока отец разбивал кулаками стену, пока соседи шептались, пока весь город говорил о «той бедной женщине».

С тех пор я ненавижу туман. Он был тогда – густой, серый, пахнущий болотом и смертью. И теперь он снова здесь.

Я моргаю, возвращаясь в настоящее.

Газета в руках дрожит. Бумага мнётся под пальцами, оставляя на коже чёрные пятна.

Вкус крови, тёплый и металлический, расползается по языку. Только потом понимаю, что прикусила губу.

– Элли, ты чего? – Миха тревожно заглядывает мне в лицо. Его большие глаза полны непонимания.

– Всё в порядке, – выдыхаю, пряча дрожь. – Беги домой. Я вернусь, как обычно, в восемь.

– Но…

– Пожалуйста, Миха. – Я стараюсь улыбнуться, но губы не слушаются. – Иди. Не задерживайся.

Он ещё секунду смотрит на меня, будто хочет что-то сказать, потом неохотно кивает и уходит. Я остаюсь работать в хлебной лавке.

День подходит к концу. Лавочники закрывают ставни, торговцы торопливо сворачивают прилавки, уличные фонари зажигаются один за другим. Город будто выдыхает, готовясь к ночи.

Толпа на центральной площади расходится, люди торопятся домой. А над Кромбургом опускается серый, вязкий туман. Он стелется по мостовой, заполняя всё вокруг. Город будто дышит им, пропитывается. И я вместе с ним.

Домой возвращаюсь короткой дорогой, через старый каменный мост. Корзина с покупками оттягивает руку. Газета всё ещё лежит под плащом, прижатая к груди, будто оберег. Слова с её страниц отпечатались в моей памяти.

Внезапно слышу крик.

Резкий. Пронзительный. Женский.

Он рвёт воздух, будто ножом, разрезая вязкую тишину.

На долю секунды я замираю. А потом корзина выскальзывает из рук, яблоки катятся по булыжникам, глухо ударяясь о камни.

Крик повторяется ближе. Из-за поворота, где река уходит под старый мост.

Там темно. Слишком темно. Даже луна не решается заглянуть под эти арки.

– Эй! – кричу я. – Кто-нибудь!

Ответа нет.

Только ветер стонет в пролётах моста, и вода шуршит где-то внизу. Я спускаюсь по откосу, цепляясь за корни, за мокрые камни. Платье цепляется за кусты, подол трещит.

И вдруг я вижу девушку.

Она лежит прямо на влажной земле. Белое платье в крови и грязи. В руке клочок ткани, зажатый так крепко, будто она пыталась удержаться за жизнь.

– Нет… нет, не сейчас! – шепчу я, падая на колени.

Прикасаюсь к её шее. Ищу пульс.

– Слышишь меня? Прошу, ответь!

Но она не шевелится.

Я отшатываюсь, падаю в грязь, чувствую, как ледяная вода впитывается в подол. В груди поднимается паника, такая сильная, что, кажется, я задохнусь.

– Что там?! – мужской голос гулко раздаётся под сводом моста.

Я оборачиваюсь – в тумане вспыхивает свет. Фонарь.

Силуэт человека – высокий, широкие плечи, шаги тяжёлые.

Он кричит ещё что-то, но слова тонут в гуле реки и в стуке моего сердца.

Я не жду.

Я бегу, пока не начинаю задыхаться. Пока грудь не сводит болью. Только бы добежать до дома.

Руки дрожат так сильно, что я не могу попасть ключом в замочную скважину.

Щелчок. Засов поддаётся.

– Элли? – Миха выглядывает из-за двери, глаза сонные, но тревожные. – Что случилось? Ты бледная…

Я выдыхаю, спотыкаясь на собственных словах:

– Всё хорошо. Просто… я упала.

– Упала? – он хмурится, шагает ближе. – Ты в крови…

– Это не… – я осекаюсь. – Я порезалась. Ничего страшного.

– Ладно… – бормочет Миха, всё ещё настороженно, но отступает. – Я налью тебе воды.

Когда он уходит на кухню, запираю дверь, задвигаю щеколду, будто это может спасти.

Стаскиваю тяжёлый плащ, пропитанный влагой и страхом. Корзина с покупками осталась где-то на мосту...

Мою руки. Снова и снова. Пальцы уже дрожат от холода, но запах крови не уходит. Он въелся в кожу. В волосы. В воздух.

Я сажусь на край кровати.

Мир будто сжимается вокруг, становится тесным, душным.

О чём я только думала, бросившись на помощь? Убийца мог увидеть меня. Значит, следующая жертва в его списке уже определена.

Глава 3

В комнате ожидания слишком тихо. Часы на стене идут едва слышно, пол не скрипит. Даже огонь в камине горит бесшумно, словно боится нарушить покой.

Прошло больше часа с тех пор, как меня отпустили. Я сижу на жёстком стуле, руки сцеплены в замок. На запястьях ещё видны бледные следы от верёвок.

Мысль о том, что мне придётся жить под одной крышей с дознавателем, всё ещё не умещается в голове.

Тем не менее это мой шанс.

Убийца должен быть наказан. С Арденом или без я должна найти способ упрятать его за решётку. Даже если ценой станет моя собственная жизнь.

Вздрагиваю от скрипа открывающейся двери.

Альберт Арден.

Высокий, собранный, холодный, словно человек, выточенный из мрамора.

Теперь его дом – моя единственная защита. И моя новая тюрьма.

Когда он останавливается напротив, я невольно выпрямляюсь.

– Мисс Холт, – произносит он спокойно. Голос низкий, бархатный, и от этого только страшнее. – Сколько вам потребуется времени, чтобы собрать вещи?

Я моргаю.

Слова доходят не сразу.

– Немного, господин Арден, – отвечаю тихо, стараясь, чтобы голос не дрожал. – У меня немного вещей.

Взять, по сути, и нечего. Пара платьев, один плащ, старый платок матери, книга с пометками на полях. Всё помещается в одну дорожную сумку. Мне трудно представить, что это всё – мой багаж, мои корни, весь мой прошлый мир. Может, так и лучше. Легче уходить, когда тебя нечего держит.

Он кивает коротко, будто ожидал именно такого ответа.

– Мой кучер отвезёт вас.

Я колеблюсь, потом решаюсь: спрашивать нужно сейчас. Утром вариантов будет ещё меньше.

– А Миха? Он привык жить со мной…

Альберт Арден приподнимает бровь. Несколько секунд молчания – тянутся мучительно долго. Он словно взвешивает что-то, оценивает, стоит ли позволять.

– Миха... – повторяет он задумчиво. – Ваш брат?

– Да, – киваю я, стараясь не показать тревогу. – Я не могу просто оставить его одного.

Тишина. Только в коридоре слышны шаги.

– Хорошо, – говорит он наконец. – Пусть поедет с вами.

– Спасибо, – выдыхаю я и, кажется, впервые за этот вечер улыбаюсь.

Арден на мгновение останавливается, словно что-то взвешивает.

– Но прежде мне нужно заехать в одно место.

– Ясно, – киваю.

Отказать я всё равно не могу. Да и выбора у меня больше нет.

Если он скажет ехать хоть в самый центр столицы, мне придётся ехать.

Пока мы идём к экипажу, его шаги звучат чётко, ровно, будто отбивают такт внутреннего ритма. Мои – неслышные, лёгкие, словно я боюсь потревожить его мысли.

Возле экипажа он открывает дверцу и, не глядя, ждёт, пока я сяду. Этот жест – не вежливость, а привычка. Я чувствую запах его парфюма – едва уловимый, но холодный, как ночной воздух после дождя.

Карета трогается. Колёса скрипят по мостовой, город мелькает за окнами – серые стены, вывески лавок, бледные лица прохожих. Никто не смотрит нам вслед. Никто не узнаёт меня. В этом какое-то странное облегчение, но за ним прячется ледяная пустота.

Я не была в Кромбурге почти пятнадцать лет. Всё дело в том, что моего отца Себастьяна ложно обвинили в убийстве матери. Нам пришлось бежать из города и скрываться под чужой фамилией. Лишь спустя год, после того как отца не стало, я нашла в себе силы вернуться.

Арден сидит напротив, сосредоточенный, неподвижный, будто из камня.

О чём он думает? О деле? Обо мне?

Или просто не привык говорить с теми, кого считает виновным.

Антикварная лавка стоит в переулке неподалёку от центральной площади. Выцветшая вывеска, кривые ставни, запах пыли и старых чернил. Колокольчик звенит над дверью, когда мы входим.

Хозяин, маленький, худой старик в очках, смотрит на нас сначала настороженно, потом чуть смягчается, когда видит Ардена.

Я стою в стороне и вглядываюсь в предметы вокруг: склянки с желтоватой жидкостью, медные рамки, пергаментные свитки, зеркала, облачённые в паутину. Всё это – предметы чужой жизни.

Я не слышу слов, но вижу, как старик достаёт из-под прилавка маленькую шкатулку из чёрного дерева. Арден принимает её, кладёт во внутренний карман. Он ничего не объясняет, а я не задаю лишних вопросов.

Между нами снова тишина, густая и вязкая, как тот самый туман над рекой.

На обратном пути заезжаем за Михой и вещами. Я бегу к хижине, и в этот момент сердце бьётся так, будто хочет вырваться из груди.

– Элли! – брат бросается ко мне, обнимает так крепко, будто боится, что я снова исчезну. От него пахнет мылом и хлебом, – Ты где была? – его голос дрожит чуть-чуть, но полон любопытства.

Я прижимаю его к себе, вдыхаю знакомый запах и ощущаю, как вся тревога на мгновение уходит: он жив, он цел, и это значит многое.

– Всё хорошо, – шепчу, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Собери вещи. Мы уезжаем.

– Куда? – он моргает, растерянно, но без страха. Его лицо раскрашено веснушками, волосы вечно растрёпаны; в нём ещё так много детского, что мне хочется плакать и смеяться одновременно.

– В дом дознавателя, господина Ардена. Он разрешил нам пожить у него.

Произношу это ровно, но внутри всё сжимается.

– Настоящий дом дознавателя? – его глаза становятся круглыми, полными восторга.

Конечно. Для него всё это приключение. Мир, где нет бедности, холода и долгов. А для меня – клетка с красивыми стенами.

Глава 4

Экипаж плавно покачивается на рессорах. Мы едем по знакомым улицам, которые теперь кажутся мне чужими. Они сильно изменились за пятнадцать лет моего отсутствия. Окна домов, где раньше жили соседи, теперь выглядят совсем по-другому.

Арден не смотрит на нас, но я чувствую его взгляд – невидимый, внимательный. Он молчит, будто даже разговор у него размерен по часам. В нём есть что-то от охотника, который не спешит: просто ждёт, пока добыча сама сделает шаг.

Отвожу взгляд. Рядом Миха шепчет мне на ухо:

– А он всегда такой серьёзный?

– Не знаю, – шепчу в ответ. – Думаю, да.

– Может быть, он просто устал? Или у него болит живот? Когда у меня болит живот, я тоже так смотрю.

Я едва сдерживаю улыбку. Миха говорит шёпотом, но я вижу, как уголок губ Ардена чуть дрогнул. На мгновение. Настолько короткое, что я почти уверена – мне показалось.

Особняк дознавателя стоит на холме. Высокие стены тянутся к небу, крыша потемнела от бесконечных дождей, а окна похожи на глаза. Холодные, без век. Они не мигают, просто смотрят.

– Вау… настоящий замок! – Миха жмурится от восторга, прижимая нос к оконному стеклу кареты. – Ты только глянь,

Элли, какие башни! А вдруг тут есть подземелье?

Я не отвечаю. Внутри всё сжимается, кажется, в этом доме скрыто что-то ужасное.

Карета останавливается. Нас уже ждут. У ворот стоит мужчина в тёмной ливрее – сухой, высокий, будто вытесан из того же серого камня, что и стены.

– Освальд, – коротко произносит Арден. – Мой дворецкий.

Дворецкий кланяется, без улыбки. Его взгляд цепкий, острый – скользит по мне, по Михе, задерживается на моей сумке.

Я машинально прижимаю её к себе.

– Комнаты готовы, господин Арден. – произносит он глухим голосом, в котором нет ни капли любопытства.

– Проведи мисс Холт и мальчика.

Мы идём за дворецким через огромный холл. Запах воска, пыли и старого дерева висит в воздухе.

На стенах картины в тяжёлых рамах. Лица на них тёмные, строгие. Они будто следят за нами. В каждом отражении, в каждой тени прячется что-то таинственное.

Миха шагает рядом, не замечая ни холода, ни тяжёлого воздуха. Его глаза горят.

– А что там? – он указывает на резную дверь справа.

– Там кладовая, – спокойно отвечает Освальд.

– А за той дверью?

– Кабинет господина Ардена.

– А можно туда посмотреть? Я буду тихо, обещаю!

– Нет, – дворецкий даже не поворачивается, и в этом «нет» столько твёрдости, что Миха сразу прикусывает язык.

Он хмурится, но быстро забывает обиду, заворожённо оглядываясь.

Мы идём по длинному коридору. С потолка свисают хрустальные люстры, но ни одна не горит. Свет сюда проникает только из узких окон под потолком – тусклый, пыльный, как будто и солнце сюда заходит неохотно.

Я чувствую, как спина покрывается мурашками. Каждый угол кажется слишком глубоким, каждая тень – слишком густой.

Наконец, мы поднимаемся по лестнице.

Она широкая, с тяжёлыми перилами из чёрного железа. Сквозь витраж на площадке падает тусклый свет – зелёный, синий, бордовый.

– Красиво, правда? – шепчет Миха, заглядывая в витражное окно.

– Да, – отвечаю я, но голос звучит хрипло. – Красиво…

Он смеётся, а мне становится не по себе. Слишком уж бледным кажется его лицо в этих цветах, как у призрака.

Освальд останавливается перед двумя дверями.

– Здесь вы будете жить, мисс Холт, – говорит он. – Комната вашего брата через одну. Посередине – малая гостиная. Все три комнаты соединены дверьми, чтобы не приходилось выходить в коридор.

Я вхожу и едва не ахаю.

После нашей хижины – это почти дворец.

Высокие потолки, чистое бельё, тонкие кружева на шторах, ковёр – мягкий, будто трава под солнцем. Всё идеально.

Слишком идеально.

Миха с восторгом бросает сумку на кровать и бежит к окну.

– Смотри, Элли! Там сад! И фонтан! Можно я потом туда? Ну пожалуйста!

– Посмотрим, – отвечаю рассеянно.

Освальд уже собирается уходить, но вдруг поворачивается в дверях.

– Ужин подадут через час, мисс Холт. Господин просил напомнить: по дому не принято гулять после семи вечера. Особенно по третьему этажу.

Миха тут же вскидывает голову:

– А что там?

– Таков порядок, – коротко отвечает Освальд и уходит не оборачиваясь.

– Порядок, – передразнивает Миха шёпотом. – А может, там тайная комната? Или живут монстры?

– Тише, – говорю я, – не болтай глупостей.

– А вдруг я прав?

– Тогда тем более – не стоит туда соваться.

Он фыркает в ответ, но всё ещё улыбается.

Марта появляется в гостиной ровно через час. Её шаги

едва слышны, но запах еды предвещает появление ещё до того, как я вижу её лицо.

Плотная женщина с румяными щеками и тёплыми глазами. На ней простое серое платье и белый передник, от которого пахнет хлебом и дымом.

– Ужин готов, мисс Холт, – говорит она мягко, ставя поднос на стол.

Марта быстро расставляет блюда: миску густого супа, поджаренный хлеб, жареную курицу с золотистой корочкой.

Запах наполняет комнату, и Миха, сияя, уже едва сдерживается.

– Можно? – он тянет руку к куску курицы.

Я улыбаюсь, не в силах сдержать нежность.

– Можно.

Он жуёт с таким восторгом, будто впервые в жизни ест по-настоящему. Щёки у него круглые, глаза блестят.

– Какая вкусная! – говорит он, не переставая жевать.

Марта смеётся. Смех у неё добрый, густой, как мёд.

– Ешь, милый. Тебя кормить – одно удовольствие.

Потом она кивает мне:

– Вы тоже, мисс. Остынет ведь.

Я благодарю её, беру ложку, но ем осторожно, будто не уверена, что имею на это право. Всё кажется слишком правильным, слишком хорошим, будто не мне предназначено.

– Не стоит благодарностей, – Марта качает головой. – Чувствуйте себя как дома. Хотя… – она осекается, – дом этот

не всем по душе.

– Почему? – спрашиваю тихо.

Она отвечает не сразу.

– Старые стены все помнят.

Я не успеваю спросить, что она имела в виду – в коридоре слышатся шаги. Тяжёлые, размеренные. Арден.

Он входит, останавливается у двери, кивает Марте – та уходит, не проронив ни слова.

Дверь мягко закрывается, и в комнате становится как-то тесно. Воздух тяжелее.

– Надеюсь, вы устроились, мисс Холт? – спрашивает он спокойно.

Я вскакиваю, неловко приглаживаю подол.

– Да, спасибо, – отвечаю, стараясь говорить ровно.

Он чуть склоняет голову.

– Ваш брат доволен?

– Думаю, да, – говорю я, и в этот момент Миха, не переставая жевать, восклицает:

– Очень вкусно! Спасибо, господин Арден!

– Прекрасно, – он поворачивается к окну, смотрит наружу. За стеклом сгущаются сумерки, на небе тают последние полосы света.

Тишина между нами густая, как вязкий сироп.

Я чувствую себя неуютно. Хочу что-то сказать, но слова не находятся.

– Господин Арден, – наконец решаюсь я, – благодарю вас

за всё. За то, что приютили нас.

Он чуть поворачивает голову.

– Это не милость, мисс Холт. Это необходимость. Вы часть расследования. И пока обстоятельства не прояснятся, вы под моей защитой.

«Под защитой», – мысленно повторяю.

Почему же это слово звучит как «под надзором»?

– Конечно, – выдыхаю я, опуская глаза.

– Тогда прошу соблюдать порядок, – продолжает он. – Дом старый, с множеством помещений. Ходить по нему стоит осторожно.

– А третий этаж? – спрашиваю я. Голос выходит тише, чем хотелось. – Освальд говорил, что туда нельзя подниматься. Почему?

Он долго молчит. Я уже думаю, что он не ответит вовсе. Но, наконец, произносит, всё так же глядя в окно:

– Потому что некоторые двери лучше не открывать.

Глава 5

Я чувствую, как холод пробегает по коже, будто Арден сказал не просто слова, а предупреждение.

– Простите, я не хотела быть навязчивой, – тихо произношу в ответ, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Он смотрит на меня пристально, слишком долго. Его взгляд будто проникает под кожу.

– Вы не навязчивы, мисс Холт, – говорит он наконец, и голос его низок, почти хрипловат. – Просто… любопытство иногда опаснее невежества.

Он произносит это спокойно, но за внешним ледяным самообладанием скрывается что-то иное. Слишком тихая усталость. Слишком личная боль.

Будто он уже терял кого-то из-за этого самого любопытства.

Мне хочется сказать что-то – не из вежливости, а по-человечески. Что я понимаю. Что сама устала от теней прошлого. Но слова застревают.

Он первым отводит взгляд.

– Доброй ночи, – произносит он ровно, будто ставит точку в разговоре и выходит.

Дверь за ним бесшумно закрывается.

Миха, всё это время следивший за нами, фыркает, разламывая корку хлеба:

– Странный он какой-то. Всё время такой серьёзный. Даже когда говорит «доброй ночи», кажется, будто ругается.

Я выдыхаю усмехаясь.

– Он просто… другой, – тихо говорю, не отрывая взгляда от двери. – Не обращай внимания. Ешь и ложись спать, ладно?

Миха кивает, но задумчиво ковыряет кусочек курицы.

– А он… злой?

– Нет. Просто, наверное, давно живёт один. От этого люди становятся… не то чтобы злыми, скорее, тяжёлыми.

– Ага, как старый камень, – подхватывает Миха. – На вид прочный, а внутри – холодный.

Я улыбаюсь, и на миг в груди теплеет.

– Ешь, философ, – отвечаю, гладя его по волосам. – А то остынет.

– А он нас не выгонит? – Миха вдруг спрашивает тихо, почти шёпотом. – Ну… если я случайно что-нибудь сломаю или скажу не так?

– Нет, – отвечаю сразу, не давая сомнению просочиться в голос. – Он обещал.

Миха кивает и снова принимается за еду, напевая себе под нос какую-то старую песенку.

А я всё смотрю на дверь.

Шаги Ардена давно стихли. Но, кажется, он всё ещё там. Стоит за стеной, прислушивается. Или, может быть, это я сама не могу отпустить ощущение его присутствия.

Воздух в комнате кажется густым, застоявшимся, как вода в колодце. Свет от свечи дрожит, и на стенах шевелятся тени, похожие на силуэты. Движущиеся. Смотрящие.

Ложусь спать, но сон не идёт. Я лежу с открытыми глазами. Сквозь окно виднеется кусочек сада. Ветви качаются, как чьи-то руки.

Что он имел в виду? Что скрывает третий этаж? И почему его голос, холодный и ровный, кажется мне слишком знакомым? Будто я слышала его раньше.

Утром непривычно тихо. Нет ни петухов, ни шумных соседей, ни детских криков на улице. Только глухой звон часов внизу, ровный, будто отмеряет время до чего-то важного.

Тусклый свет пробивается сквозь плотные шторы, рассеивая мрак комнаты. Я поднимаюсь, умываюсь холодной водой, надеваю простое платье. Миха ещё спит, свернувшись калачиком. На его лице спокойствие, которое я давно разучилась чувствовать.

Но стоит мне взглянуть на каменные стены, ощущение уюта рушится. Если мы здесь надолго, нужно сделать этот мрачный особняк хоть немного похожим на дом, а не на клетку.

Начинаю со своей комнаты: аккуратно застилаю постель, вытираю пыль с подоконника, открываю окно. Потом перехожу в гостиную – просторную, с большим камином, где угли давно остыли.

На полках – книги, старые, пыльные, в потемневших пе-

реплётах. Одна лежит раскрытая, на полях ровный, строгий почерк.

Арден. Без сомнения.

Читаю первое слово и тут же закрываю книгу. Неловко, будто заглянула в чужие мысли.

На кухне пахнет свежеиспечённым хлебом и кофе. Марта хлопочет у очага.

– Доброе утро, мисс Холт, – улыбается она, вытирая ладони о фартук. – Вам кофе или чай?

– Кофе, пожалуйста. – делаю паузу. – Марта, у вас не найдётся скатерти или цветов? Хочу немного… оживить комнату.

Она поднимает на меня глаза, моргает, будто я предложила что-то немыслимое.

– В доме господина Ардена цветы? – она качает головой, в голосе слышится тихое удивление. – Если хотите, в саду у старой оранжереи остались хризантемы. Правда, уже почти отцвели.

– Подойдут, – улыбаюсь я. – Спасибо.

Беру корзину и выхожу во двор. Над головой тяжёлые облака, через которые с трудом пробивается утреннее солнце. В саду тихо, только капли падают с веток.

Я нахожу кусты у заброшенной оранжереи. Цветы и правда почти увяли, но несколько бело-жёлтых стеблей всё ещё держатся. Рву их и перевязываю старой лентой, которую ношу в кармане ещё со времён… другого дома.

Пусть будет хоть немного цвета в этой серой тишине.

Когда возвращаюсь, в холле сталкиваюсь с Арденом. Он спускается по лестнице мне навстречу. Чёрный сюртук идеально сидит на плечах, движения выверенные, почти механические. Но под глазами залегли тени. Похоже, он не спал.

Арден останавливается на последней ступени.

– Что это вы делаете, мисс Холт? – спрашивает он, глядя на корзину в моих руках.

Я стараюсь говорить спокойно:

– Доброе утро, господин Арден. Хотела немного оживить гостиную. Здесь так… пусто.

Он хмурится, взгляд становится настороженным.

– Не стоило ничего трогать, – произносит он наконец, чуть резче, чем нужно. – Это не ваша обязанность.

Я поднимаю голову.

– Но вы же сами сказали, что я буду работать у вас! – в голосе звучит раздражение, и я не успеваю его скрыть. – Мне нужно… делать хоть что-то.

Он делает шаг ко мне.

Теперь мы стоим почти вплотную. Но между нами стена. Невидимая, непреодолимая.

– Вы должны просто… ничего не трогать, – говорит он тихо, но твёрдо.

– Это приказ? – спрашиваю я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он смотрит прямо в глаза, и впервые я вижу в них не ле-

дяную пустоту, а усталость. Настоящую.

– Да, мисс Холт. Это приказ.

Я отступаю, чувствуя, как щёки заливает жар.

– Простите, – шепчу. – Просто я не привыкла сидеть без дела.

Он молчит несколько секунд. Потом вздыхает почти неслышно.

– Вам не обязательно заниматься уборкой, – говорит уже мягче. – Впрочем, делайте что хотите. Можете пройтись по саду. Днём.

Я стараюсь улыбнуться:

– Главное – не ходить на третий этаж?

Он останавливается. Улыбка гаснет, как свеча на ветру.

– Только не на третий этаж, – отвечает он после короткой паузы.

Затем поворачивается, идёт к двери.

– Завтра утром у меня будет для вас поручение, – произносит уже на ходу. – Думаю, оно покажется вам интереснее, чем пыльные тряпки и цветы.

– А что за поручение? – спрашиваю я, но он лишь бросает короткий взгляд через плечо:

– Узнаете завтра.

Дверь за ним закрывается, и вместе с ним уходит ощущение тепла, будто он забрал его с собой.

– Элли, он опять был злой? – Миха выглядывает из своей комнаты, сонно потирает глаза.

Я улыбаюсь ему, стараясь скрыть тревогу.

– Нет, просто уставший.

Он кивает и как ни в чём не бывало бежит туда, где пахнет хлебом и где Марта напевает у печи.

А я остаюсь одна.

Стою у окна, смотрю в сад. И вдруг мне кажется, что в другом крыле, за занавешенным окном третьего этажа, кто-то стоит.

Фигура. Тёмная, неподвижная.

Смотрит вниз.

На меня.

Я моргаю – и в окне пусто. Но холод не отпускает.

Пожалуй, Арден был прав: некоторые двери действительно лучше не открывать.

Глава 6

После завтрака я всё же украшаю комнату. Застилаю стол светлой тканью. Миха помогает, двигает стулья, напевает весёлую песенку.

– Осторожнее, не зацепи ножку, – предупреждаю я.

– Я аккуратно! – он вытягивает язык, сосредоточенно толкая тяжёлый стул. – Видишь? Я сильный.

– Очень, – улыбаюсь. – Настоящий помощник.

Дальше мы работаем молча, но в этой тишине что-то правильное. Уютное.

Когда я ставлю букет в кувшин и наливаю воду, хризантемы словно оживают. Лепестки чуть приподнимаются, запах свежести разливается по комнате.

Солнце пробивается сквозь тучи, скользит по цветам, по столу, по моим рукам. И мне вдруг становится чуть теплее.

Бросаю взгляд на своё отражение в зеркале. Золотисто-русые волосы распущены, на щеках лёгкий румянец. Глаза всё ещё чуть тревожные, но впервые за много дней мне хочется улыбнуться.

– Элли, что делать дальше? – Миха вертит в руках салфетку.

Я замираю, вспоминая слова Ардена. Он ведь не запретил трогать растения. Не запретил дышать воздухом за этими стенами.

– Наверное, я займусь садом, – задумчиво отвечаю, глядя в окно, – Он выглядит слишком уж заросшим.

– А можно с тобой? – глаза брата сверкают так, будто я только что предложила искать сокровища.

– Конечно. После обеда пойдём вместе.

Миха довольно кивает.

Из кухни доносится шум и запах жареного лука, хлеба, свежего теста. Марта хлопочет, гремя посудой. Когда я захожу, она бросает на меня быстрый взгляд.

– Что-то задумали, мисс Холт? – спрашивает она, приподнимая бровь.

– Хочу привести сад в порядок.

– Сад? – она морщит лоб. – Там давно никто не работал. Господин Арден туда не ходит.

– Тем лучше, – отвечаю я, стараясь говорить легко. – Значит, никто не помешает.

Марта что-то бормочет себе под нос, но не отговаривает меня.

После обеда мы с Михой выходим в сад. Воздух прохладный, пахнет сыростью и листвой. Солнце, пробиваясь сквозь редкие облака, ложится на землю яркими бликами.

– Ого… – Миха хватает меня за руку. – Он огромный!

И правда – сад когда-то был прекрасным. Это видно даже теперь, когда всё заросло, дорожки покрылись мхом, а старые клумбы едва угадываются под слоем опавших листьев. Между деревьями виднеется обветшалый фонтан, из кото-

рого давно не льётся вода.

– Элли, смотри! Тут фонтан! – кричит Миха и, не дожидаясь разрешения, бежит вперёд. – Правда, без воды!

Я смеюсь, хотя в груди что-то сжимается.

– Может, когда-нибудь мы его починим.

Он оборачивается, сияя, как будто я только что пообещала невозможное.

– Правда? А можно я помогу?

– Конечно, – улыбаюсь я. – Но не сегодня. Сначала разберёмся с зарослями.

Он кивает с серьёзным видом, будто это важная миссия.

Поливаю клумбы, выдёргиваю сорняки, собираю сухие листья в кучу. Миха копается рядом, таскает ветки, собирает камешки.

– Смотри, – говорит он с важным видом, – я делаю домики для жуков.

– Домики? – усмехаюсь я.

– Ну да! Они, наверное, тут скучали без нас. – Он поднимает брови, будто говорит о настоящих соседях.

– Думаю, да, – улыбаюсь я. – Им, наверное, было одиноко.

Он удовлетворённо хмыкает и принимается за работу с ещё большим рвением.

Постепенно сад оживает.

Листья перестают казаться серыми, камни начинают блестеть, когда на них падает солнце.

Я поднимаю взгляд.

Стёкла оранжереи мутные, покрытые пылью и паутиной. Внутри странные тени. Или просто отражения деревьев?

Возвращаюсь к клумбе. Руки в земле, под ногтями грязь, но от этого странное чувство свободы.

– Элли, а вдруг он будет нас ругать? – вдруг спрашивает Миха, глядя на дом.

– Кто? Господин Арден?

– Угу. Он сказал ничего не трогать.

– Он разрешил гулять в саду, – напомнила я. – А сад без ухода умирает. Мы же не ломаем, а наоборот – помогаем.

Миха кивает успокаиваясь.

– Тогда ладно. Мы же хорошие.

Я тихо смеюсь.

Хорошие. Да, может быть. Только вот в этом доме даже хорошее кажется подозрительным.

Солнце постепенно клонится к закату. Миха бегает вдоль дорожки, срывает несколько жёлтых листьев и размахивает ими, как флагами.

– Элли, смотри! Осенний ветер!

– Осторожно, не упади! – зову я, но он уже исчезает за кустами.

Через минуту появляется снова – запыхавшийся, счастливый.

– Там в углу, за деревьями, что-то странное. Будто дверь в стене.

– Дверь? – я отряхиваю руки, иду за ним.

Действительно – в каменной стене сада, за густыми лозами плюща, темнеет узкая дверь. Почти сросшаяся с камнем, без ручки.

Я касаюсь её пальцами – холодная, влажная.

– А куда она ведёт? – спрашивает Миха шёпотом.

– Не знаю. Может, в подвал. Или в оранжерею.

Но почему-то, мне кажется – не туда.

– Пошли отсюда, – добавляю тихо. – Уже поздно.

Он не спорит. Мы возвращаемся к дому.

Бросаю последний взгляд на сад. Он будто ожил после долгого сна. Цветы выпрямились, трава блестит каплями воды, даже фонтан кажется чуть светлее.

Теперь он выглядит ухоженным. Может быть, дом тоже сможет стать таким. Со временем.

Мне впервые кажется, что это место можно полюбить. Если не слушать тишину. Если не смотреть на окна третьего этажа.

Но я всё же смотрю.

Туда, где вчера, как мне показалось, стояла чья-то фигура.

Сейчас окна пусты. Шторы неподвижны. Только солнечные блики играют на стекле.

– Мисс Холт! – Марта стоит у дверей, вытирая руки о фартук. – Ужин стынет! Вам пора в дом!

Я вздрагиваю.

– Уже идём, – говорю, вытирая руки о подол.

Миха с ворохом камней в руках подбегает ко мне.

– А завтра можно сюда?

– Если не будет дождя, – улыбаюсь я.

Марта накрывает стол с такой серьёзностью, будто мы ожидаем целую делегацию. Белая скатерть без единой складки, серебро начищено до блеска, хлеб разложен ровными ломтями. Даже Миха глядит на всё это с широко распахнутыми глазами.

– А господин Арден… не придёт? – спрашивает он, едва дождавшись, когда ему положат тушёное мясо.

Марта выпрямляется, поправляет фартук.

– Господин задерживается, – говорит она сдержанно, но в её голосе есть что-то вроде беспокойства.

– Надеюсь, всё в порядке? – спрашиваю я.

Женщина отводит взгляд, собирает со стола крошки, хотя их почти нет.

– Он редко рассказывает, где бывает. Да и лучше не спрашивать, мисс Холт. – Её голос чуть тише, чем нужно. – Работа у него… непростая.

Я киваю. Конечно, дознаватель. Те, кто ищут правду в мире, где сама правда опасна.

Огонь в камине потрескивает, стены наполняются мягким золотистым светом. Запах тушёного лука и хлеба смешивается с дымом и чем-то уютным, домашним.

И вдруг, несмотря на тревогу, мне становится чуть легче.

Я смотрю на Миху – он зевает, глаза его слипаются, ложка едва не падает из руки.

– Всё, спать, – говорю тихо. – Завтра встанем пораньше, пойдём снова в сад.

– Правда? – бормочет он, уже почти засыпая.

– Правда. Только теперь без зарослей.

Он смеётся, даже не открывая глаз.

Марта уносит тарелки, а я благодарю её за ужин.

– Не стоит, мисс Холт. Только… – она вдруг останавливается, будто хочет что-то добавить. – Если услышите ночью шаги в коридоре – не выходите. В старом доме много звуков. Лучше не искать, откуда они.

– Хорошо, – киваю я.

Закрываю дверь на засов. Её слова ещё долго звенят в ушах, когда я укладываю Миху.

В доме тихо. Только часы внизу мерно отмеряют секунды.

Я переворачиваюсь на бок. Мысли, одна за другой, всплывают и исчезают.

Альберт Арден.

Холодный, сдержанный, чужой.

И всё же – каждый раз, когда я думаю о нём, сердце будто сбивается с ритма. Но не от страха. От чего-то другого.

Глупость. Просто устала. Вот и всё.

Закрываю глаза, но всё равно вижу его.

Почему я не могу перестать думать об этом человеке?

Глава 7

Проходит час. Может, больше. Я почти проваливаюсь в сон, когда слышу звуки со двора.

Экипаж.

Приподнимаюсь. Сердце бьётся неуверенно, как птица, попавшая в клетку. Да, это лошади. Медленные, усталые шаги, скрип колёс по гравию двора.

Я встаю, босиком подхожу к окну, осторожно отдёргиваю штору. Чёрная, лакированная крыша экипажа блестит под лунным светом. Лошади фыркают, переминаясь с ноги на ногу. Из ноздрей струится пар.

Дверца открывается. Из экипажа выходит Арден. Движения точные, но в них есть усталость. Он что-то коротко говорит кучеру, тот кивает, щёлкает кнутом. Колёса снова скрипят, отъезжая.

Арден остаётся один. Неподвижно стоит, о чём-то размышляя. Потом медленно поднимает взгляд.

Прямо на моё окно.

Я замираю. Холод пронзает изнутри. Сердце стучит так громко, что я уверена – он слышит.

Отшатываюсь, едва не сбивая стул. Штора колышется, задевает лицо.

Он не мог увидеть меня. Не мог.

Секунды тянутся как часы. Где-то внизу хлопает дверь.

Ветер колышет занавеску, и в этот мягкий шорох будто вплетаются чужие шаги. Мне кажется, что я слышу его голос. Низкий, сдержанный, с лёгкой хрипотцой.

Наверное, я просто устала, вот и чудится всякое.

Отхожу от окна, натягиваю на плечи шаль и иду проведать Миху. Он спит спокойно, губы чуть приоткрыты, ресницы дрожат во сне. Кажется, ему снятся жуки из сада или волшебные фонтаны.

А мне снится дом с закрытыми дверями и окнами, из которых кто-то наблюдает.

Просыпаюсь от звона часов. Глухие удары заполняют тишину, и я не сразу понимаю, что уснула в комнате брата. Солнечный свет просачивается сквозь шторы. Миха уже сидит на кровати, волосы растрёпаны.

– Вставай, Элли! – шепчет он. – Сегодня Арден даст тебе поручение.

– Думаешь, что-то важное? – голос всё ещё сонный.

– Конечно! Он же дознаватель. Наверное, поручит поймать монстра.

Я смеюсь и треплю его по волосам.

– Если и поручит, то начать с чего-то попроще.

Он фыркает, делает вид, что обиделся, но глаза всё равно сияют.

Я смотрю на него и понимаю, что ради этого взгляда – ясного, доверчивого – я готова на всё. Даже работать с человеком, от которого веет опасностью.

Мы спускаемся. Пахнет жареными яйцами и свежим хлебом. Воздух густой от тепла и аромата кофе.

На кухне уже суетится Марта – румяная, сосредоточенная, в белом переднике. Она ворчит себе под нос, но, заметив нас, сразу оживляется.

– Доброе утро, мисс Холт, Миха, – улыбается она, ставя на стол блюдо. – Как спалось?

– Хорошо, – отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. – Господин Арден дома?

– Да, – кивает Марта, не переставая мешать что-то в кастрюле. – Спустится через десять минут. Как всегда.

– Он… всегда так долго работает?

– Иногда даже слишком, – вздыхает она и ставит передо мной чашку. – Порой возвращается под утро. А потом снова уходит, будто сна ему не нужно вовсе.

Я торопливо завтракаю. Не хочу заставлять дознавателя ждать. Слова Марты о том, что он пунктуален, почему-то не кажутся преувеличением.

И правда – через десять минут дверь кухни открывается.

Арден появляется тихо, как тень. На нём тёмное пальто, воротник застёгнут до последней пуговицы, перчатки – безупречно чёрные. Он останавливается напротив меня.

– Доброе утро, мисс Холт, – в его голосе нет холодности, только привычная сдержанность.

– Доброе утро, господин Арден, – отвечаю, чувствуя, как сердце бьётся чуть быстрее.

– Вы готовы?

– Да. Но… куда мы?

– На службу, – коротко говорит он. – Увидите сами.

Экипаж уже ждёт у ворот. Лошади фыркают, в воздухе запах влажного сена и осеннего дождя.

Я устраиваюсь у окна. Арден садится напротив.

Он почти не говорит всю дорогу. Только иногда открывает кожаную папку, просматривает какие-то бумаги, делает пометки.

Колёса стучат по мостовой. За окном мелькают серые улицы, редкие прохожие. Город просыпается неохотно.

Наконец, экипаж замедляется.

Сквозь запотевшее стекло я вижу здание со львами. Место, где решаются судьбы.

Арден выходит первым, подаёт мне руку.

– Осторожно, ступеньки скользкие, – говорит он негромко.

В его голосе нет мягкости, но почему-то от этих слов становится спокойнее.

Внутри прохладно, пахнет старой бумагой, воском и металлом. Полы отполированы до блеска. Длинные коридоры с высокими потолками и лампами, от которых исходит бледный свет. Мы идём по ним, и каждый шаг отзывается эхом.

Где-то вдалеке слышны голоса, звон металла, шелест бумаг. Место кажется чужим, даже враждебным. Здесь всё пропитано властью и тайной. Я невольно прижимаю руки к гру-

ди.

– Не бойтесь, – тихо говорит Арден не оборачиваясь. – Здесь вам ничего не угрожает.

– Просто… это место кажется холодным, – признаюсь я.

Он на мгновение останавливается, смотрит через плечо.

– Оно таким и должно быть.

Мы идём дальше. Люди в строгих плащах и форме кивают Ардену. Некоторые смотрят на меня с интересом.

Слышу шёпот за спиной:

– Новая помощница?

– Та самая, что была на месте убийства?

Щёки вспыхивают. Я стараюсь не смотреть по сторонам.

– Не обращайте внимания, – говорит Арден, уловив мой взгляд. – Люди всегда говорят больше, чем знают.

Он открывает дверь, и я невольно задерживаю дыхание. Совсем недавно я была здесь на допросе, а теперь мне предстоит работать в этих стенах.

Большой стол у окна. Тяжёлые шторы, пропускающие ровно столько света, чтобы можно было работать не щурясь. Полки с папками и книгами выстроены в идеальной симметрии.

– Садитесь, – произносит он тихо, но так, что ослушаться невозможно.

Я послушно опускаюсь на край стула.

Он снимает перчатки и кладёт их рядом с лампой. Я ловлю себя на том, что наблюдаю за этим движением слишком

внимательно.

Арден достаёт с полки несколько папок и кладёт передо мной.

– Рассортируйте документы по датам, – говорит он и садится напротив, открывая свою тетрадь.

– Конечно, – киваю, стараясь выглядеть уверенной, хотя не понимаю, как это поможет делу.

Пальцы осторожно перебирают бумаги. На полях – размашистый почерк Ардена. Ровный, твёрдый.

Время тянется. В кабинете слышен только шелест бумаг, редкий скрип пера и тиканье часов.

Я чувствую себя не помощницей дознавателя, а ученицей, которой доверили тайну, но не объяснили смысла.

– Вы ведь хотели работу, мисс Холт? – его голос неожиданно прерывает тишину.

Я вздрагиваю и поднимаю глаза.

Он даже не смотрит на меня – делает пометки в папке.

– Да, – отвечаю чуть тише, чем следовало.

– Вас что-то не устраивает?

Он поднимает взгляд. Серые глаза спокойные, но внимательные. В них будто светится сталь.

Я спешу покачать головой:

– Нет, что вы. Всё в порядке. Просто... я не думала, что начну с бумаг.

– Любое дело начинается с порядка, – спокойно отвечает он.

Я не нахожу что сказать. В его голосе нет ни раздражения, ни насмешки – только констатация факта.

Он живёт по правилам. И, кажется, не терпит тех, кто их нарушает.

Я снова опускаю глаза к документам. В них мелькают строчки: «Пропавшие», «неизвестная жертва», «свидетели отсутствуют».

– Вам часто приходится видеть… это? – спрашиваю тихо, не поднимая головы.

– Каждый день, – отвечает он ровно.

– Но вы не выглядите равнодушным, – произношу вдруг.

Он слегка приподнимает бровь.

– А вы быстро замечаете.

Я смущённо улыбаюсь.

– Просто наблюдаю.

– Наблюдательность – хорошее качество для помощницы дознавателя, – отвечает он.

Я снова берусь за документы, но мысли уже не слушаются. Смотрю на Ардена исподтишка. Он сосредоточен, чуть нахмурен. Тени от ресниц ложатся на щёки, подчёркивая усталость.

Сколько ему лет? Тридцать? Тридцать пять?

Он кажется старше – не из-за морщин, а из-за взгляда. Так смотрят те, кто слишком многое видел.

На столе между нами – тонкая полоска света от лампы. Я ловлю себя на мысли, что чувствую себя рядом с ним...

спокойно. Хотя, возможно, это просто иллюзия.

Вдруг где-то за стеной раздаётся стук. Глухой, короткий.

Арден мгновенно поднимает голову.

– Подождите здесь, – бросает он и встаёт.

Он выходит в коридор. Я слышу отдалённые голоса, потом звук шагов, отдаляющихся вниз по лестнице.

В кабинете становится слишком тихо.

Рядом с его тетрадью лежит папка с надписью «Нераскрыто». Руки сами тянутся к ней.

Глава 8

В голове вспыхивает предупреждение Ардена, его голос будто звучит рядом, низкий и холодный:

«Любой шаг в сторону, и я сам отведу вас к виселице».

Сжимаю папку в руках. Ведь последнее убийство под мостом ещё не раскрыто. Информация о нём должна быть в этой папке.

Во мне словно идёт внутренняя борьба. Одна часть меня рвётся в бой, желает скорее открыть папку. Вторая же опасается гнева Ардена. Он дознаватель. Он обязательно узнает, и тогда мне не жить.

В конце концов, любопытство побеждает. Я медленно открываю папку. Внутри нахожу несколько эскизов, сделанных простым карандашом. Силуэты людей, место преступления, кровь на мостовой.

Провожу пальцем по одной из линий, и меня пробирает дрожь. Узнаю силуэт моста. Того самого, где я была несколько дней назад, когда всё произошло.

Я вдыхаю резко, как будто воздух стал слишком тяжёлым.

На полях знакомый почерк Ардена. Резкий, чёткий, без лишних линий.

«Место нападения не установлено. Жертва была смертельно ранена и оставлена под мостом. Случай похожий на…»

На что похожий?

Пальцы дрожат. Чувствую, как сердце бьётся где-то в горле, перекрывая дыхание. Перелистываю страницу, но слышу звук приближающихся шагов.

Судорожно захлопываю папку, едва не защемив палец. Быстро кладу её на место. Потом хватаю первую попавшуюся стопку документов. Делаю вид, будто что-то внимательно сортирую.

Только бы он ничего не заметил.

Дверь тихо открывается.

– Мисс Холт, – раздаётся за спиной ровный голос.

Я вздрагиваю. Бумаги выскальзывают из рук, несколько листов падает на пол.

– Да? – выдыхаю, наклоняясь, чтобы их собрать. Сердце колотится, будто пытается вырваться наружу.

Я не смею поднять глаза. Наверняка он уже всё понял. Увидел, что папка не так лежит. Почувствовал, что я что-то тронула.

– Вы уронили документы, – спокойно замечает он. Проходит к столу, будто ничего не случилось.

– Простите… просто немного неуклюжа сегодня, – бормочу, стараясь улыбнуться, но голос дрожит.

Осторожно поднимаю взгляд. Арден сидит в кресле, держит в руке перо. Его глаза изучают не бумаги, а меня.

– После обеда поедем на место происшествия, – говорит он ровно. – То самое, где вы были в ту ночь.

У меня перехватывает дыхание.

– Зачем?.. – шепчу.

– Потому что вы могли увидеть то, чего не заметили другие, – отвечает он. – И, возможно, почувствовать.

Дальше мы сидим молча. Слышно только тиканье часов на стене, редкие шаги в коридоре. Я делаю вид, что разбираю бумаги. Но мысли уже не слушаются. Перед глазами всё ещё стоит строчка: «Случай, похожий на…»

Похожий на что? На события пятнадцатилетней давности?

На мою мать?

Украдкой бросаю взгляд на папку, лежащую в стороне. Она будто зовёт меня.

Ты уже заглянула. Что изменится, если посмотришь снова? – шепчет внутренний голос.

Вижу профиль Ардена. Чёткий, сосредоточенный.

Когда он вновь берётся за свои записи, я сижу неподвижно, стараясь не смотреть в сторону папки. Но где-то глубоко внутри уже знаю: я всё равно к ней вернусь.

Рано или поздно.

Когда он отвернётся, когда будет возможность. Потому что теперь я не успокоюсь, пока не узнаю подробности этого дела.

После обеда мы в сопровождении двух стражей отправляемся на место преступления.

Арден молчит, сосредоточенно о чём-то размышляет. Я

же просто смотрю в окно.

Экипаж останавливается возле каменного моста. Воздух влажный, пахнет прелой листвой и сыростью. Стражи спешиваются с коней и остаются наверху.

Мы с дознавателем спускаемся по узкой лестнице. Каждая ступень шершаво цепляет подошвы, будто мешает идти.

– Вы уверены, что готовы? – спрашивает Арден, останавливаясь под мостом.

– Да, – поспешно отвечаю ему.

Пальцы дрожат, хотя я стараюсь держать их крепко. Если он заметит, подумает, что я слаба. А я не могу позволить себе слабость. Не сейчас.

Я должна быть сильной. Мама тоже не дрожала, когда стояла перед опасностью.

Арден достаёт из внутреннего кармана небольшую металлическую сферу. Её поверхность покрыта тонкими выгравированными линиями, напоминающими переплетение ветвей. Металл тускло блестит под серым небом. На секунду мне кажется, что он светится изнутри.

– Это артефакт поиска, – поясняет Арден в ответ на мой вопросительный взгляд, – Он реагирует на следы остаточной магии.

Арден аккуратно держит его кончиками пальцев, будто это что-то живое.

– Что мне делать? – спрашиваю я.

– Просто сосредоточьтесь на том, что видели. И откройте

артефакт, – отвечает он.

Забираю сферу из его рук. Она оказывается неожиданно тёплой. Закрываю глаза.

Передо мной всплывают события того дня. Крик девушки, полный отчаяния. Мои жалкие попытки помочь. Горькое осознание, что я опоздала. Но есть кое-что ещё. Едва заметная тень, скользнувшая в тумане.

Я открываю глаза. Сердце бьётся с удвоенной скоростью.

Линии на сфере вспыхивают мягким светом. С тихим щелчком она открывается, и наружу вылетают крошечные огоньки. Сотни светлячков кружатся вокруг нас.

Золотые, прозрачные, лёгкие, как дыхание ветра.

Я ахаю, не в силах скрыть восхищение.

– Что это?..

– Магические частицы, – спокойно отвечает Арден. – Они позволяют видеть даже в тумане.

Он поднимает руку, и светлячки послушно разлетаются, выстраиваясь в дорожку. На миг мне кажется, что он сам часть этой магии. Холодный, точный, управляет ею одним движением.

Я иду рядом с ним.

Светлячки плывут вперёд, освещая нам путь. Камни под ногами влажные, скользкие. Каждый шаг отдаётся эхом в ушах. Слева замечаю следы, едва различимые, почти стёртые дождём.

– Здесь, – шепчу. – Она лежала здесь.

Арден подходит ближе, осматривает следы.

– Хорошо. Продолжайте.

Его рука случайно касается моей. Я вздрагиваю от неожиданного тепла его пальцев. Он всегда кажется ледяным, но прикосновение горячее, настоящее. Я почти забываю, где нахожусь.

Свет вокруг нас мерцает. Некоторые светлячки вспыхивают ярче. Другие тускнеют, будто что-то их напугало.

– Что происходит? – спрашиваю шёпотом, чувствуя, как тревога поднимается в груди.

Арден делает шаг вперёд.

– Не отходите от меня, – его голос становится жёстким.

Вокруг нас сгущается туман. Из-под моста тянет сыростью и гнилью… Меня пробирает дрожь. За нами словно кто-то наблюдает. Тень, что движется в тумане.

Страх растёт, но вместе с ним поднимается другое чувство. Гнев.

Убийца должен быть наказан. Из-за него погибла ни в чём неповинная девушка. Из-за него погибла моя мать. Поэтому я должна найти его и заставить заплатить.

Я чувствую, как этот гнев становится сильнее страха. Тень замирает, словно слышит мои мысли и смотрит на меня.

Нет. Это невозможно. Это же просто остаточная магия…

– Назад, – говорит Арден. – Мисс Холт! – в его голосе слышится приказ.

Голос твёрдый, резкий.

Я стою не в силах сдвинуться с места. Вглядываюсь в туман. Туда, где только что была тень.

Арден хватает меня за руку и рывком тянет к себе.

– Я же сказал, не отходите! – в его глазах мелькает тревога, – Что вы видели?

– Ничего, – выдыхаю, пряча ладонь, где ещё дрожит артефакт.

Он смотрит пристально, слишком пристально.

– Не лгите мне.

Я отвожу взгляд.

Если он узнает… если поймёт, кто я и зачем на самом деле здесь…

Моя тайна уничтожит меня раньше, чем убийца матери.

– Просто… показалось, – шепчу.

Он не отвечает, но я чувствую, что не поверил.

Туман постепенно рассеивается. Светлячки возвращаются в артефакт.

Место вновь становится обычным – камни, сырость, вечер.

– Уходим, – коротко говорит Арден.

И идёт первым не оглядываясь.

Я следую за ним, прижимая артефакт к груди. Внутри бушует страх и гнев.

Если он узнает, что я ищу убийцу матери… если поймёт, что я не просто помощница… он остановит меня.

Я не позволю этому случиться. Убийца уже заметил меня.

Теперь я должна довести дело до конца. Даже если для этого придётся смотреть в глаза самой тьме.

Глава 9

Навстречу нам по скользким ступеням спускаются двое стражей в тяжёлых плащах, с фонарями и мечами на боку. Свет от ламп дрожит, отражаясь в металлических застёжках на их мундире.

– Господин Арден, мы слышали шум, – докладывает один из них, с запыхавшимся лицом.

Арден даже не меняется в лице:

– Всё в порядке, – бросает он коротко. – Возвращаемся.

Стражи переглядываются, нерешительно кивают и начинают подниматься обратно.

Я едва сдерживаю усмешку. Эти увальни и правда решили проверить, что происходит, только когда всё уже закончилось. Будь там не призрачная тень, а живой убийца – вряд ли бы кто-то из нас успел дождаться их «помощи».

– Вы в порядке, мисс Холт? – Арден оборачивается ко мне.

– Да, – выдыхаю, слишком поспешно. – Кажется, просто испугалась.

На самом деле не «кажется». Я действительно испугалась. Мгновенно, бездумно, до дрожи в коленях. Когда из-под моста двинулась эта тень, я будто снова увидела ту ночь. Холод, кровь, девушку, которую не смогла спасти.

Арден среагировал мгновенно. Как воин. Встал между

мной и опасностью, схватил за руку, потянул прочь. В его движениях не было ни секунды замешательства. Он действовал, как человек, привыкший спасать других.

А я, стыдно признаться, просто застыла. Позволила страху завладеть собой. И лишь потом сообразила, что всё закончилось.

Карета трогается с места, скрипят колёса. За окнами мелькают туманные улицы, редкие фонари и чёрные силуэты домов.

Я поправляю складки платья, будто невзначай касаясь бедра. Там под тканью в ножнах надёжно спрятан небольшой кинжал с узорчатой рукоятью. Подарок отца. Он учил меня держать оружие с шести лет, заставлял повторять движения снова и снова, пока пальцы не переставали дрожать.

«Не доверяй никому, даже тем, кто протягивает руку помощи», – говорил он тогда.

Я не могу показать Ардену, что умею защищаться. Для него я должна быть просто наблюдательной девушкой, случайно оказавшейся в гуще событий. Если он узнает правду, мне не спастись.

Внутри кареты напряжённая тишина. Дождь барабанит по лакированной крыше. Этот монотонный звук как будто отсчитывает шаги к чему-то неизбежному.

Арден всё ещё держит поисковик. Маленькая сфера блестит в сумеречном свете. Узоры на ней будто живут собственной жизнью.

Он смотрит в мутное стекло, где дождь рисует расплывчатые картины домов. В отражении его профиль кажется ещё строже, и я ловлю себя на том, что внимательно разглядываю его. На виске напряжена тонкая жилка, губы сжаты. Он сосредоточен, как и всегда.

– Вы что-то узнали? – вырывается у меня, прежде чем я успеваю подумать.

Не знаю, зачем спросила. Может, чтобы узнать какой-нибудь факт, от которого будет легче оттолкнуться.

Арден отвечает не сразу. Смотрит в окно на дождь, будто он скрывает ответы. На стекле мерцают блики, и в одном из них я ловлю его взгляд, изучающий меня.

– Узнал, – сухо произносит он, – Но мне это не нравится.

Чувствую, как воздух в карете сужается. Сердце начинает биться быстрее.

– Что вы имеете в виду? – осторожно уточняю я.

Арден поворачивается ко мне, произносит негромко, но чётко:

– Похоже, убийца знал, что вы будете здесь.

Сердце замирает в груди.

– Что? – шепчу, едва слышно.

– Это не случайность, Элинор. – Он впервые произносит моё имя без формальностей, – Вас действительно что-то связывает. И я не успокоюсь, пока не выясню, что именно.

По спине пробегает холодок.

Если нас что-то и связывает, то лишь моё отчаянное же-

лание отомстить. Я была осторожна под мостом. Ни словом, ни взглядом не выдала себя.

Но Арден – мастер читать людей. Он видит слабые места, ищет зацепки. Он мог прочитать мой страх и понять, что за ним скрывается нечто большее.

– Вы ошибаетесь, – выдыхаю, стараясь говорить уверенно, – Я оказалась под мостом случайно.

Он смотрит на меня долго. В его взгляде нет издёвки, только холодная, бесстрастная логика.

– Случайности не случайны, – мягко произносит он. – Особенно когда речь идёт о магии.

Я сжимаю руки, чтобы не выдать дрожь. Его подозрения загоняют меня в угол. Но мне нельзя сдаваться. Нужно снова и снова отстаивать свою правоту, притворяться жертвой обстоятельств, тогда он потеряет интерес.

– Ваша работа – найти убийцу, ведь так? – говорю я, глядя прямо в его глаза. – Вы не можете казнить невиновную!

– Не могу? – голос тихий со вкрадчивыми нотками, – Вы удивитесь, мисс Холт, сколько невиновных уже висит на эшафоте.

У меня внутри всё сжимается от такой бесстрашной правды. Он не рассуждает о справедливости. Он знает, как легко доказательства можно подделать и обвинить ни в чём неповинного человека.

– Тогда вы ничем не лучше убийцы, которого ищете, – бросаю я, отворачиваясь к окну.

Успеваю заметить любопытство, промелькнувшее в его взгляде.

Дальше мы едем молча. Слышен только скрип колёс и топот копыт по мостовой. Город остаётся позади. Приближаемся к одинокому особняку.

Наконец, карета замирает у крыльца.

Арден подаёт мне руку, помогая выбраться из кареты. Просто вежливый жест.

– Отдыхайте, – говорит он ровно. – Завтра мы продолжим.

Я киваю, не в силах с ним спорить.

Возвращаюсь в свою комнату, сажусь на кровать и, наконец, позволяю себе выдохнуть. Сердце бьётся слишком часто. Слышу, как за спиной скрипит дверь.

– Элли? – осторожно зовёт Миха, – Ты здесь?

– Да, – пытаюсь улыбнуться, – Я уже вернулась.

Он вбегает весь растрёпанный и крепко обнимает меня.

– Как всё прошло? – спрашивает с любопытством, – Тебе не было страшно?

Я отшучиваюсь, не показывая волнения.

– Всё в порядке. Я лишь… сортировала бумаги.

Миха морщит нос, не в силах скрыть разочарование.

– Я думал, вы будете ловить монстров.

– Я тоже так думала, – вздыхаю.

Миха садится на край моей кровати.

– Элли, – внезапно говорит он, – Ты же не оставишь меня одного?

Эти слова режут меня глубже, чем любой нож.

– Конечно же, нет! – глажу его по голове.

Он вздыхает от облегчения и улыбается сонно. В этот миг планы о мести кажутся мне слишком безумными, слишком опрометчивыми.

Миха – всё, что у меня осталось. Он вырос без матери. Вторая жена отца после родов тяжело заболела, да так и не оправилась. Поэтому любая моя оплошность ставит на кон ещё и судьбу Михи.

– Уже слишком поздно, давай ложиться спать, – шепчу ему.

Позже, уже в постели, я снова вспоминаю события сегодняшнего дня. Взгляд Ардена, его уверенность, стремление докопаться до истины.

Перед глазами всплывает лицо мамы, которое я не видела уже много лет. Я обещала, что найду того, кто это сделал. Что заставлю его заплатить.

А теперь… теперь Арден слишком близко к разгадке. Слишком близко ко мне.

Он прав: это не случайность. Рано или поздно он найдёт не только убийцу, но и то, что я скрываю. Мою тайну, мою месть, мою связь с прошлым. Значит, мне придётся быть быстрее него.

Глава 10

Я просыпаюсь на рассвете. Солнечные лучи с трудом пробиваются сквозь свинцовые тучи. Сегодня Арден берёт меня с собой. От одной мысли об этом сердце начинает биться быстрее. Снова рядом с ним, под его пристальным и холодным взглядом.

– Вы готовы, мисс Холт? – он спускается в гостиную ровно в тот же час, что и вчера. Точный, собранный, с величественной осанкой и едва уловимым ароматом дорогого парфюма.

– Разумеется, – киваю ему, пытаясь унять волнение.

В присутствии Ардена я ощущаю себя неловко. Вспоминаю вчерашний день, когда он впервые назвал меня по имени.

Сегодня мы снова играем свои роли. Он дознаватель, я помощница. Но в глубине души я понимаю: он всё ещё подозревает меня.

Мы не задерживаемся в управлении надолго. Арден приносит папку с документами. Список свидетелей, адреса, примерное время допросов.

– Ваше задание, – он подаёт мне папку и поясняет, – Сбор показаний с тех, кто видел жертву накануне убийства. Соседи, друзья, случайные прохожие.

Я беру папку из его рук. Пальцы едва заметно дрожат от

напряжения.

Позже в карете я замечаю, как пристально он наблюдает за мной. Стараюсь не думать ни о жертвах, ни о матери, ведь каждая эмоция может выдать меня.

Первый адрес из списка. Низкий дом с плетёными занавесками. Дверь открывает женщина средних лет. Простое платье, платок на голове, руки сжимают край фартука. Она ведёт нас на кухню, где пахнет тушёной капустой и перцем.

– Миссис Моррис, прошу вас рассказать всё, что знаете. Может быть, заметили что-то необычное? Любая мелочь важна, – говорит Арден ровным, деловым голосом.

Я беру на себя роль помощницы, задаю наводящие вопросы. Стараюсь говорить спокойно, копируя интонацию Ардена. Он едва заметно кивает, значит, я всё делаю правильно.

– Она ругалась с каким-то мужчиной, – внезапно вспоминает миссис Моррис. – Он твердил что-то о деньгах, о долге.

– Вы запомнили, как он выглядел? – настороженно спрашиваю я.

– Я лишь слышала голоса… – она теряется, губы дрожат. – Даже не представляю, кто это мог быть.

– Может, старый знакомый или любовник? – осторожно подсовываю варианты, чтобы ей было проще вспомнить.

– Не знаю, – миссис Моррис морщится, пытается вспомнить, но качает головой.

Арден хмурится и записывает показания в блокнот.

Второй адрес. Сиротский приют. Несколько мальчишек

встречают нас во дворе. Один из них, худой с разбитым коленом, вспоминает, что видел человека в плаще.

– Какого цвета был плащ? – осторожно спрашиваю, чтобы он не растерялся.

– Серый или чёрный, – мальчишка пожимает плечами, – Я не разглядел.

Серый или чёрный. В Кромбурге почти каждый мужчина носит либо то, либо другое. Дождь сливает цвета в одно пятно. Как же нам теперь найти убийцу?

Я вздыхаю. Внутри нарастает раздражение: почему люди не видят того, что для нас важно? Или не хотят видеть?

Третий адрес. Одна из подруг последней жертвы. Молодая служанка, бледная и нервная. Она боится Ардена, но мне удаётся вытянуть из неё пару фраз.

– Кто-то обещал помощь, а потом вдруг исчез, – рассказывает она, всхлипывая между словами.

Мне становится жаль её, но сталкиваясь с холодным взглядом Ардена, продолжаю задавать вопросы.

– Вы запомнили его лицо?

– Нет, – девушка качает головой.

– Вы так похожи на неё, – вдруг шепчет она, – На тех, кого он выбирает.

Арден вскидывает бровь:

– Выбирает? – переспрашивает он.

– У неё тоже были золотистые волосы, – служанка говорит что-то ещё, но слова тонут в рыдании. Она оплакивает свою

подругу.

Во мне всё горит. Жалость к этой несчастной смешивается с нарастающим желанием отомстить. Сжимаю кулаки под столом, чтобы Арден не заметил.

Мы идём от адреса к адресу. Чем больше я слушаю, тем меньше ясности в голове.

Свидетели путают время, описывают плащи всех оттенков серого и чёрного. Их голоса сливаются в единый гул. Так много информации и ни одной зацепки. Иногда мне кажется, что следы ведут по кругу, будто кто-то играет с нами в кошки-мышки.

В карете на обратном пути я смотрю в окно, чтобы немного отвлечься. Серые крыши, редкие фонари, случайные прохожие мелькают в вечернем полумраке.

Мысли снова и снова возвращаются к показаниям.

– Думаете, мы найдём хоть что-то конкретное? – спрашиваю тихо, почти шёпотом.

– Убийца тщательно заметает следы, – задумчиво произносит Арден, – Но даже он может совершить ошибку.

– И сколько ещё жертв должно погибнуть, пока мы дождёмся этой «ошибки»? – не выдерживаю я.

– Мы не имеем права предаваться эмоциям, мисс Холт, – строго отвечает он, – Держите себя в руках.

– Простите, – неуклюже смахиваю предательские слёзы с ресниц, – Простите, что не могу спокойно смотреть, как умирают люди, пока вы ждёте ошибки.

Арден молчит пару долгих секунд. Затем медленно достаёт из кармана платок и передаёт его мне.

– Страх и гнев бывают полезны, если ими управлять, – говорит он, неожиданно мягко. – Если же они управляют вами, вы теряете путь.

Я сжимаю губы, потому что хочется ответить. Сказать правду ему в лицо. О том, что я видела глаза той девушки под мостом. О том, что чувствовала ещё ребёнком, прячась в сыром подвале. Но вместо этого рвано выдыхаю и провожу платком по щекам, унимая внутреннюю дрожь.

– Почему вы помогаете мне? – слова вырываются прежде, чем я успеваю подумать.

– Вы предложили сделку, мисс Холт, – говорит он ровно, – Вы согласились на условия. Если ваша внешность поможет найти убийцу, я не буду пренебрегать этим. Но и вы сами должны быть осторожны. Ни шага без моей охраны.

– А если я откажусь?

Он приподнимает бровь, и в голосе звучит металл.

– Тогда вы вернётесь под арест. До выяснения обстоятельств.

Карета скользит дальше по мокрым улицам. Между нами снова опускается молчание. Дождь за стеклом усиливается, и капли бьют в ритм моим мыслям. Я злюсь на себя. На ту девчонку внутри, что хочет кричать и ломать, что бежит за местью, забывая обо всём. Даже о собственной безопасности.

Вечером, когда Миха уже мирно спит, я иду на кухню, где

Марта ловко раскладывает чай и булочки.

– Как прошёл день? – интересуется она.

– Он думает, что я виновна, – говорю я тихо, в словах слышится обида.

Марта ставит передо мной чашку ароматного травяного чая и садится рядом.

– Господин строг, но справедлив. Он не станет казнить невиновных.

Даже если она права. Что, если Арден узнает, что я не Элинор Холт? Что пятнадцать лет назад я бежала вместе с отцом. Что до сих пор нарушаю закон, скрывая свою настоящую фамилию.

Вздыхаю.

– Да, он верит только фактам. Но мы никак не можем их найти.

– Господин Арден – лучший следователь в королевстве. Он знает, что делает, – утешает она меня, – Ну а факты рано или поздно найдутся.

Её слова немного успокаивают меня. Но страх не уходит полностью. Я должна научиться контролировать его. Должна быть аккуратной со своими эмоциями. И если Арден пойдёт по следу, который ведёт ко мне, я должна быть на три шага впереди.

Глава 11

Прошла неделя. Каждый день похож на предыдущий. Допросы, бумаги, поездки по городу. Попытки доказать Ардену свою невиновность. Его взгляд, полный недоверия, тягостное молчание. Мои нервы натянутые, как струны.

За окном темно, рассвет ещё не вступил в свои права. Я просыпаюсь от шума на улице. Подхожу к окну и, едва отодвинув штору, вижу, как один за другим над крыльцом загораются фонари.

Во дворе стоит экипаж. Рядом с ним – высокий незнакомец в тёмном плаще с капюшоном. Он выходит из кареты и спешит к дому. Ему навстречу выходит Арден, поспешно застёгивая пальто.

Несколько коротких фраз и они садятся в экипаж. Освальд спешит за хозяином, передаёт ему перчатки, затем возвращается в дом. Экипаж скрывается за поворотом.

Сердце начинает биться быстрее, в груди растёт тревога, будто какая-то часть меня предчувствует беду.

В надежде узнать хоть что-то я наскоро одеваюсь и спускаюсь по холодной лестнице. На первом этаже темно, но лампы в коридоре уже горят. Дворецкий, услышав мои шаги, поднимает голову.

– Доброе утро, Освальд, – направляюсь к нему, – Я слышала шум во дворе.

– Доброе утро, мисс Холт, – его голос ровный, точь-в-точь как у Ардена, – Господину пришлось срочно уехать. Прибыл гонец из управления.

– Что случилось? – вырывается у меня.

– Убийца снова дал о себе знать. Рано утром лодочник обнаружил под мостом очередную жертву.

Освальд смотрит на меня. В его взгляде нет жалости, только лёгкая обеспокоенность.

– Снова девушка, золотые волосы, – добавляет он. – Я решил, что вы должны знать.

От его слов меня бросает в дрожь. В голове мелькают образы, которые я пыталась спрятать: золотые волосы, тот самый берег, строки газет, лицо матери, которой нет уже много лет.

Почему Арден поехал один?

Он мог взять меня с собой, ведь мы работаем вместе.

В груди расползается тёплая, горькая обида, которая тут же превращается в чувство стыда. Я сделала что-то не так? Он решил, что я спугну убийцу?

В ушах снова звучит его фраза о том, что любой шаг в сторону и он сам отведёт меня к виселице. Теперь она кажется не предупреждением, а приговором, повисшим в воздухе.

– Господин Арден не давал распоряжений на мой счёт? – глупый вопрос, но мне надо знать.

– Нет, мисс Холт, – Освальд качает головой, – Если хотите совет, то лучше оставайтесь в доме. Не выходите одни.

Я поспешно киваю, но внутри всё кипит.

Как я могу оставаться в стороне, когда вокруг происходит такое?

Ругаю себя за то, что позволила гневу вырываться наружу. Тогда в карете я заявила, что из-за промедления Ардена гибнут люди. Сейчас понимаю: что он мог сделать в тот миг?

У нас слишком мало улик для того, чтобы найти убийцу. А теперь из-за собственной глупости я отстранена от расследования. Мне хочется найти Ардена, потребовать объяснений, но я не могу даже покинуть дом без его ведома.

День тянется медленно. Чтобы не сойти с ума в ожидании, я берусь за швабру. Порядок вокруг помогает успокоить мысли. Протираю пыль, мою полы, скребу старые подоконники, стираю отпечатки пальцев со шкафов. Сначала в своей комнате, а затем и в большой гостиной.

К обеду Арден возвращается. Он, как всегда, спокоен, собран и решителен.

– Мисс Холт, – говорит он сухо, – У меня для вас новое задание. Составьте список всех, кто знал жертву. Начните с её семьи, соседей, коллег по лавке и тех, кто видел её в последние дни.

В его словах нет просьбы. Только приказ. Но это мой шанс снова быть полезной.

– Вы посылаете меня собирать имена, – робко начинаю я, – И в то же время оставляете в неведении.

Он делает шаг ближе. До меня доносится едва уловимый

аромат древесного парфюма.

– Приходится работать с тем, что есть, – он разводит руками, – Покажите, на что вы способны, и тогда я сниму с вас все подозрения.

В его голосе звучит вызов. Я нехотя принимаю его.

– Мне было бы проще, будь я на месте преступления, – вздыхаю. – Хорошо, я составлю список.

– Даю вам время до завтра, – с этими словами он поднимается по лестнице.

Я с головой ухожу в работу. Марта собирает мне узелок со свежеиспечёнными булочками. Освальд договаривается с кучером.

– Карета будет готова через пятнадцать минут, – сообщает он.

Спустя полчаса я уже на рынке. Хожу от прилавка к прилавку, расспрашиваю людей. В воздухе витают ароматы копчёностей и свежего хлеба. Горожане отвечают неохотно. Мне приходится улыбаться им, слушать истории.

– Вы знали Лютиэн? – спрашиваю старую торговку, которая знает все сплетни в городе.

– Какую Лютиэн? – она заставляет меня уточнить. – Ах, ту бедняжку. Да, видела её пару раз. Она покупала шелковые нитки для фартука. Говорила о письмах, что ждёт послания.

– Письма? – я записываю. – От кого?

– Не знаю, – отвечает она, пожимая плечами, – Она носила с собой конверт, но печати не было.

Эта деталь оседает в голове. Кто пишет без печати? Может, тот, кто хочет остаться незамеченным?

Захожу в прачечную. Прачки говорят, что её видели с мужчиной.

– Он шёл медленно, но каждый шаг отдавался эхом, словно звон металла по мостовой, – вспоминает одна из девушек, рыжая и кудрявая.

Сапоги с металлическими вставками? Нужно спросить у сапожника, кто мог сделать подобный заказ.

Захожу в лавку тканей, где работала погибшая.

– Она брала дешёвые ткани, потому что экономила, – вздыхает хозяйка, – Но однажды купила дорогой шёлк, положила под замок и плакала. Один мужчина интересовался шёлком, но так и не купил.

Снова какой-то мужчина. Зачем ему шёлк? Делаю пометку на полях.

Иногда мне хочется пойти под мост, но я сдерживаюсь. Арден дал мне возможность проявить себя. И я понимаю, что не должна бороться с его решением. Я должна показать, что могу быть полезной, даже не зная всех деталей. И потихоньку они сами вырисовываются у меня в голове.

Каждая зацепка, словно элемент мозаики, складывается в общую картину. Письма без печати, интерес к шёлку, сапоги с металлическими набойками. Отдельные факты ничего не доказывают, но они указывают направление.

Вечером, когда возвращаюсь домой, руки дрожат от на-

пряжения. Я устала, но горжусь собой. Десяток исписанных страниц в блокноте: имена, адреса, пометки на полях.

В карете я раскрываю записи, чтобы ещё раз перечитать всё с самого начала. Добавляю к ним прошлые сведения и выясняю одну любопытную деталь. Все жертвы были одиноки, но их видели с каким-то мужчиной, внешность которого никто не запомнил.

Я прикрываю глаза, и память сама возвращает меня в ту ночь. Запах сырости, темнота подвала и шаги. Громкие, звонкие, с металлическим оттенком. Пусть я была ребёнком, но этот звук навсегда отпечатался в моей памяти.

Я не могу рассказать об этом Ардену, но теперь у меня есть подтверждение. Девушка из прачечной упомянула тот же звук. Это не может быть совпадением.

Делаю пометку на полях карандашом:

«Сапожник. Металлические накладки. Проверить».

Экипаж уже въезжает во двор. На крыльце меня встречает Освальд.

– Господин ждёт вас у себя в кабинете, – сообщает он.

– Сейчас? – я непроизвольно сжимаю ладони. – Уже вечер.

– Да, как только вы вернётесь.

Я вздыхаю. Конечно. Арден, как всегда, не знает усталости.

Кабинет встречает меня запахом бумаги и чернил. Всё здесь идеально, даже слишком. Шкафы из тёмного дерева.

Книги расставлены по алфавиту. Чернильница по центру стола. Я чувствую себя не гостьей, а нарушителем порядка.

Он сидит за столом, что-то пишет. Увидев меня, поднимает голову.

– Вы составили список? – спрашивает ровно, без приветствия.

– Да, господин Арден. – кладу блокнот на стол. – Я выполнила ваше задание.

Он поднимается, берёт блокнот, неторопливо листает.

– Мне решать, выполнили вы его или нет, – произносит спокойно, но в голосе едва уловимый холод.

Я чувствую, как к горлу подкатывает ком. Всё, что я собирала целый день, вдруг кажется ничтожным.

Он проводит пальцем по строчкам, нахмуривается. Его губы сжимаются в тонкую линию. Злится? Или просто обдумывает?

– Какое отношение это имеет к делу? – он указывает на запись на полях.

– Сапожник, – поясняю. – Он не был знаком с жертвой, но девушка из прачечной упомянула мужчину с металлическими подошвами. Я подумала, что стоит проверить эту версию.

– Неплохо, – он сдержанно кивает, во взгляде мелькает одобрение.

Арден дочитывает до конца, закрывает блокнот. Затем встаёт, подходит к окну. Смотрит в сад, за которым густеет туман.

Я молчаливо жду, но сердце бьётся часто, слишком громко.

– Вы можете идти, мисс Холт, – произносит он наконец.

– Да, господин Арден, – выдыхаю. – Спокойной ночи.

Он не отвечает. Только лёгкий кивок.

Я выхожу, чувствуя, как в груди нарастает обида. Он снова не дал никаких указаний. Лишь короткое «неплохо».

Что мне делать дальше? Почему он держит меня в неведении, будто ребёнка?

Поднимаюсь по лестнице в комнату. Миха уже в пижаме, кутается в одеяло и зевает.

– Ты расстроена, – замечает он. – Что-то случилось?

– Всё в порядке, – глажу его по волосам. – Время позднее, давай спать.

– А ты? – сонно щурится он.

– Я тоже скоро, – обещаю. – Просто закончу кое-что.

Когда дверь за ним закрывается, я открываю блокнот. Переписываю то, что показалось мне общим у всех жертв на отдельный лист. Прячу его в тумбу у кровати. Пусть Арден ведёт своё расследование, я же буду вести своё. И первым пунктом я проверю заказы сапожника.

Глава 12

Утром просыпаюсь от холода. Сквозь тонкие занавески пробивается тусклый свет. Накрываю плечи одеялом и вздрагиваю, когда внизу хлопает дверь.

Неужели я проспала?

Поспешно накидываю халат, выглядываю в окно. Арден уже подходит к экипажу. Высокий, собранный, в тёмном пальто. Освальд открывает перед ним дверь.

Я хочу спуститься, хотя бы попрощаться. Спросить, куда он едет, нужна ли я сегодня. Но вместо этого стою у окна, словно прикованная.

Арден садится в экипаж. Колёса скрипят, и через несколько секунд двор снова погружается в тишину.

Я, наконец, спускаюсь. На кухне хлопочет Марта. В печи потрескивают дрова. Воздух пахнет свежим хлебом и молоком.

– Вы рано, мисс Элинор, – удивляется она, вытирая руки о фартук.

– Он уехал без меня, – вздыхаю.

Марта бросает на меня настороженный взгляд.

– Господин Арден, видно, не хотел вас будить.

– Или не хотел видеть, – произношу тише, чем собиралась.

– Не судите его строго. Господин – человек закрытый, но

не злой. И потом, ожидание тоже часть охоты.

Марта ставит передо мной чашку кофе.

– Но ведь я не охотник, а приманка!

Она хмурится, но ничего не отвечает. Только подаёт мне тёплую булку. Мол, поешь, остынешь. Но вкус хлеба я почти не чувствую. Внутри кипит обида и тревога.

Поднимаюсь к себе, останавливаюсь у зеркала. Если Арден уехал без меня, значит, считает меня бесполезной. Но ведь я нашла зацепку. Сапоги с металлической подошвой. Это не случайность.

Я достаю блокнот, пролистываю записи. Сапожник по имени Келлер. Его лавка в ремесленном квартале, недалеко от центральной площади.

– Если я не пойду, никто не пойдёт, – шепчу своему отражению.

Заплетаю волосы, надеваю простое платье и плащ. Прячу кинжал в ножнах под платьем, чтобы не бросался в глаза.

В коридоре пересекаюсь с Мартой. Она удивлённо поднимает брови:

– Куда это вы собрались, мисс Элинор?

– Немного проветриться. В городе… легче думать, – отвечаю я, стараясь не встречаться с ней взглядом.

– Будьте осторожны, – вздыхает она.

Я благодарю её. Голос Марты звучит так, будто она знает больше, чем говорит.

В холле меня встречает Освальд. Его взгляд скользит по

мне, потом – к двери.

– Господин вернётся не раньше вечера, – произносит он.

– Я знаю, – отвечаю. – Мне нужно в город.

Он немного медлит.

– Понимаю, мисс Холт. Экипаж будет подан через пять минут.

Я благодарно киваю. Он не спрашивает, зачем и куда, словно даёт молчаливое разрешение.

Когда колёса экипажа отрываются от земли, я чувствую, как внутри что-то щёлкает.

Я больше не просто помощница. Сегодня я сама веду расследование.

Ремесленный квартал встречает меня привычным шумом. Кругом лавки, мастерские, возле которых толпятся покупатели. Воздух пропитан запахом дублёной кожи, дыма и чего-то металлического.

Сворачиваю на узкую улочку, где почти нет покупателей. Нахожу покосившуюся вывеску сапожной мастерской. Дверь открывается с тихим скрипом.

Внутри тепло. Стены увешаны колодками, ремнями, кусками толстой кожи. В углу чадит лампа. На полке лежат потёртые мужские сапоги. Рядом женские туфельки, украшенные жемчугом.

За прилавком стоит мужчина лет пятидесяти, плотный, с короткой седой бородой. Он поднимает глаза от сапога, который чистит щёткой.

– Доброе утро, мисс. Что вам угодно?

– Доброе утро, – достаю из сумки блокнот, – Мне нужна небольшая справка.

– Справка? – он приподнимает бровь. – Я не городской писарь.

– Нет, конечно, – улыбаюсь чуть натянуто. – Я помогаю в управлении. Мы расследуем одно дело.

При словах управление он мгновенно становится осторожнее.

– Если вы из управления, значит, дело серьёзное.

– Возможно, – спокойно отвечаю я. – Мне нужен список тех, кто заказывал у вас сапоги с металлической подошвой.

Келлер хмыкает, медленно вытирает руки о фартук.

– Не каждый сапожник берётся за такую работу, – произносит он. – Но да, заказывали. Несколько человек.

– Несколько? – сердце ускоряет ритм. – Можно узнать, кто именно?

Он колеблется. В глазах мелькает тень сомнения.

– Это… конфиденциально.

Я делаю шаг ближе, понижаю голос:

– Вы ведь понимаете, что ваш ответ может спасти чью-то жизнь?

Он вздыхает, бросает взгляд на дверь, словно опасается, что кто-то услышит.

– Ладно. Дайте подумать…

Келлер подходит к стойке, вытаскивает толстый журнал

заказов, перелистывает страницы, бурчит себе под нос.

– Так… вот. Три заказа за последние полгода. Первый – чиновник из Верхнего квартала. Второй, кажется, почтальон. А третий, – он поднимает глаза, задерживает взгляд на мне. – Третий был для полка охраны.

– Для полка? – шепчу, чувствуя, как по коже пробегает холодок.

– Да. По заказу управления. Усиленные подошвы с металлической вставкой. Специально для патрульных и дозорных.

Всё внутри сжимается.

– Вы уверены? – спрашиваю почти шёпотом.

– Абсолютно. Я сам ковал пластины. Работа была срочная, большой заказ.

Я записываю имена, адреса, всё, что он помнит. Рука дрожит.

– Скажите, а кто приходил за заказом для полка?

Келлер мнётся.

– Молодой человек, высокий, с коротко остриженными волосами. Не запомнил лица – был в сером плаще. Голос… низкий, грубый. Всё.

Его слова отдаются эхом в голове. Высокий. В плаще. Голос низкий. То же, что говорили свидетели.

– Спасибо, мастер Келлер. – Я стараюсь не выдать, как сильно колотится сердце. – Вы очень помогли.

– Мисс, – вдруг произносит он, когда я уже поворачиваюсь к двери. – Вы бы не ходили по городу одна. Здесь неспо-

койно.

– Постараюсь, – киваю я.

На улице снова туман. Воздух влажный, холодный. Я иду, сжимая в руке блокнот. Несколько имён и ни одного прямого доказательства. Полк охраны. Сотни мужчин в сапогах с металлическими вставками.

Как найти среди них одного убийцу?

Арден должен знать, с чего начать. Но если я скажу ему, где была, он поймёт, что я действовала без его ведома.

Может, промолчать?

Нет. Лучше скажу, но позже. Когда он будет в хорошем настроении.

Туман сгущается. Направляюсь к улице, где ждёт экипаж, когда слышу за спиной стук сапог.

Глухой, уверенный, металлический.

Сердце подпрыгивает. Я резко оборачиваюсь.

– Не может быть, – шепчу, не веря своим глазам.

Из тумана выходит Арден. Его силуэт узнаю сразу: высокий, прямой, плечи расправлены.

– Что вы здесь делаете, мисс Холт? – строго произносит он.

Сердце ухает где-то под рёбрами.

– Господин Арден, – выдыхаю, стараясь говорить спокойно, – Я всего лишь…

– Всего лишь нарушили прямой приказ, – перебивает он. – Я предупреждал: ни шагу без моего ведома.

Мир на секунду сужается до его взгляда. Тёмные глаза, в которых вспыхивает раздражение.

Тянусь к сумке, достаю блокнот и протягиваю ему.

– Я говорила с сапожником Келлером. Несколько человек заказывали сапоги с металлическими подошвами. Один из заказов был для полка охраны.

Он берёт блокнот, не сводя с меня взгляда. Пальцы перелистывают страницы.

Молчит. Только тонкие мышцы на скулах чуть дрожат.

– Значит, вы решили заниматься расследованием самостоятельно? – наконец, произносит он.

– Я решила помочь, – парирую. – Раз уж вы не взяли меня с собой.

– Помочь? – он усмехается уголком губ. – Вы осознаёте, что могли навлечь на себя опасность?

– Я осознаю, что убийца всё ещё в городе, – отвечаю чуть резче, чем следовало бы. – И если бы я сидела дома, как вы приказали, мы бы не узнали про этот след.

Мгновение и глазах Ардена вспыхивает гнев. Он делает шаг ближе, почти нависает надо мной. От него пахнет дождём, металлом и чем-то терпким, дорогим.

– Ваше упрямство может стоить вам жизни, – говорит он тихо, – Садитесь в экипаж, Элинор.

Сердце пропускает удар. Он снова произнёс моё имя. Без «мисс». Просто Элинор.

Почему он слишком близко? Почему на нём такие же са-

поги?

Я стараюсь не показать, как дрожат руки.

– Возможно, иногда стоит рискнуть, – говорю тихо.

– Поговорим об этом в управлении, – он уже открывает дверцу экипажа, пропуская меня внутрь.

Его пальцы едва касаются моей руки, и от этого касания по коже пробегает ток. Я замираю.

– Не вздумайте снова действовать без меня, – произносит он тихо, почти у самого уха. – В следующий раз я не ограничусь выговором.

Дверца захлопывается. Экипаж трогается.

Молчание давит. Я краем глаза вижу, как Арден сидит прямо, не глядя в мою сторону, но пальцы его сжимают перчатки слишком крепко.

Мне хочется что-то сказать. Объяснить, что я не глупая девчонка, не лезу в опасность ради упрямства. Но слова застревают в горле. Если скажу лишнего, он просто посадит меня под замок.

Но вместе со страхом приходит осознание: я сделала то, чего он не ожидал. И теперь он вынужден считаться со мной.

Глава 13

Туман ещё не рассеялся. Город будто прячется под плотной серой вуалью. Нет ни солнца, ни теней, только сырость и тусклый свет фонарей на придорожных столбах. Колёса экипажа скрипят по мокрой мостовой.

Я сижу напротив Ардена и не решаюсь заговорить первой.

Смотрю на его чёрные, начищенные до блеска сапоги.

– Третий заказ из управления, – всплывает в памяти голос Келлера, – Форменные сапоги, с металлической вставкой на подошве.

Из управления.

Для Ардена.

Как я могла не заметить этого раньше?

Мой разум отказывается верить, но сердце болезненно сжимается. Как тогда, в детстве, когда мама...

Сжимаю пальцы до боли. Ногти впиваются в ладони.

Нет. Я не позволю себе слабость, не сейчас.

– Мисс Холт, – голос Ардена вырывает меня из мыслей. – Вы побледнели. Нехорошо себя чувствуете?

Я вздрагиваю, слишком резко поднимаю глаза.

– Всё в порядке, господин Арден.

Он изучает моё лицо. Его взгляд холодный, но внимательный.

– Уверены? Вы выглядите… рассеянной.

– Просто думаю, – говорю сухо. – О деле.

– Это похвально, – он чуть склоняет голову. – Но иногда размышления без фактов приводят не к выводам, а к заблуждениям.

От этих слов у меня по спине пробегает холодок. Неужели он что-то почувствовал?

Или это просто случайная фраза, не имеющая скрытого смысла?

Смотрю в окно, где сквозь туман проступают очертания домов.

Что, если я ошибаюсь? Если всё это – плод моей усталости, недоверия, страха?

Но если нет? Убийца действительно рядом, и он носит такие же сапоги…

Экипаж резко останавливается. Возница кашляет, что-то бормочет.

Мы прибыли к зданию управления. В тумане оно кажется похожим на тюрьму: высокие стены, серый камень, кованые решётки на окнах.

Арден выходит первым. Затем оборачивается, протягивает мне руку. Я колеблюсь на мгновение, но всё же кладу свою ладонь в его.

Его пальцы слегка сжимаются, когда он помогает мне спуститься с подножки. Внутри меня нарастает странная смесь страха и удовлетворения. Даже сейчас, когда я нарушила его прямой приказ, он не пренебрегает этикетом. Не даёт ни од-

ной эмоции сорваться наружу.

В управлении пахнет краской и пылью. Кажется, в одном из кабинетов идёт ремонт. Люди в форме спешат по коридорам, шаги сливаются в низкий гул.

Я снова слышу этот звук.

Глухой стук каблуков с металлической вставкой. Один, другой, третий. Кажется, что он заполняет всё пространство, будто отдаётся эхом даже в моих висках.

Ко мне приходит осознание: таких шагов слишком много. Каждый второй здесь носит похожие сапоги.

Так что теперь? Под подозрением весь отдел?

Арден идёт вперёд не оглядываясь.

А я на секунду остаюсь стоять в коридоре, слушая, как от его сапог тоже отзывается этот металлический глухой стук.

Каждый шаг, как удар по моим нервам.

В кабинете Арден садится за стол, жестом указывает мне на кресло напротив.

– Садитесь, мисс Холт.

В его голосе нет злости, только привычная сухая строгость. Но я чувствую: он смотрит на меня как на подозреваемую.

Опускаюсь в кресло. Поправляю подол платья, невзначай касаюсь кинжала у бедра. Его присутствие придаёт мне уверенности.

– Вы расскажете мне всё, что узнали сегодня, – говорит Арден, снимая перчатки. – Подробно. Без умолчаний.

– Конечно, – соглашаюсь я.

– И ещё кое-что, – он подаётся вперёд. – Я хочу, чтобы вы были предельно честны.

Его взгляд цепляется за мой, и я чувствую, будто меня прижали к стене.

«Если честно, господин Арден, я подозреваю вас. Я боюсь вас, но верю вам больше, чем кому-либо».

Слова застревают в горле. Я не могу произнести их вслух, поэтому лишь киваю ему в ответ.

– Начнём с сапожника, – продолжает он. – Вы упоминали, что заказ был сделан для управления.

– Верно.

– И вы решили, что это важно?

– Разве нет? – не выдерживаю я. – Подруга жертвы видела мужчину в сапогах с металлическими вставками. Разве это не зацепка?

Арден поднимает бровь, чуть наклоняет голову.

– Возможно. Но таких сапог в городе сотни. Вы сделали вывод, не имея оснований.

– Вы предпочитаете игнорировать очевидное? – голос дрожит, но я не могу остановиться.

– Я предпочитаю факты, а не догадки.

– А если мои догадки верны? – спрашиваю, и дыхание сбивается. – Или вы боитесь, что правда окажется слишком близко?

Его глаза темнеют.

– Вы переходите границы, мисс Холт.

– А вы – держите меня за ребёнка! – шепчу, почти сквозь зубы. – Думаете, я не понимаю, почему вы не берёте меня на выезды?

Он молчит, глядя прямо на меня.

– Вы скрываете от меня часть расследования, – продолжаю, чувствуя, как ладони становятся влажными. – Но я чувствую, что убийца где-то рядом. Здесь, среди нас.

– Среди нас? – он подаётся вперёд, и голос становится ниже, тише. – Это обвинение, мисс Холт?

– Это догадка, – выдыхаю я. – Которую вы не хотите проверить.

Арден медленно встаёт, подходит ближе, останавливается у стола.

Между нами остаётся всего шаг.

– Если вы подозреваете меня, – произносит он тихо, почти ласково, – то советую вам подумать ещё раз, прежде чем произносить подобное вслух.

От его тона по коже пробегает дрожь.

– Я просто ищу истину, – поднимаю голову.

Он наклоняется чуть ближе.

– Ищите, – говорит он тихо, – но не забывайте, кто дал вам это право.

Воздух между нами натянут, как струна. Я не отвожу взгляд. Он тоже. Время будто замерло.

Ещё немного и кто-то из нас сорвётся – мелькает в голове.

В дверь стучат. Арден резко выпрямляется.

– Войдите, – произносит он глухо.

На пороге появляется секретарь. Бледный, запыхавшийся парень в форменной одежде.

– Простите, господин Арден. Прибыл гонец из Министерства. Говорит, дело срочное.

– Я вернусь, – коротко бросает Арден, даже не взглянув на меня.

Дверь за ним закрывается мягко, почти бесшумно. Через секунду слышится тихий металлический щелчок.

Сначала я просто не верю. Подхожу, дёргаю ручку, но всё бесполезно.

Он запер меня.

В груди нарастает злость.

– Прекрасно, я снова под замком, – шепчу себе под нос. – Упрямый, бесчувственный тюремщик!

Хожу по кабинету, пытаясь унять дрожь.

Почему он запер меня? Боится, что я сбегу? Или увижу то, что не должна видеть?

Мой взгляд падает на книжную полку. Ровные ряды томов, аккуратно выстроенные по высоте. И среди них торчит тонкая папка, выделяющаяся почти неуловимо. Я уже видела её раньше.

Шаг. Ещё шаг.

Сердце бьётся всё громче.

Это слишком рискованно, ведь Арден может вернуться в

любой момент.

Папка чуть шуршит, когда я вытаскиваю её с полки. Между страниц торчит закладка. Открываю и вижу заголовок, написанный ровным, строгим почерком.

«Дело №217. Лидия Асторн».

Мама…

Глава 14

Мир на мгновение теряет фокус. Пол уходит из-под ног, и я хватаюсь за край стола, чтобы не упасть. Моргаю, будто надеюсь, что слова на бумаге исчезнут, изменятся, рассыплются в прах. Но они остаются.

Чёткие, безжалостные строки.

Лидия Асторн. Моя мать.

Сердце гулко бьётся где-то в горле. Пальцы немеют, когда перелистываю страницы. Бумага шуршит, как сухая трава.

Показания свидетелей. Схема места преступления. Отчёт отдела дознания. А внизу чёткая подпись, аккуратная, безупречная.

«Дознаватель Альберт Арден».

Он был там. Он вёл дело моей матери!

Картины накатывают волнами: его взгляд, когда я впервые вошла в управление… как он избегал упоминаний о прошлом… как хмурился, когда я спрашивала о расследовании.

– Нет, – шепчу я, почти беззвучно. – Только не он…

Руки дрожат, когда я провожу пальцем по строчкам отчёта:

«Тело найдено в северной части Старого квартала. Вероятно, убийца использовал магию».

«Следы ведут к дому Асторнов. Подозреваемый – супруг, Грегори Асторн. Исчез».

Факты, Элинор. Только факты.

Я пытаюсь отстраниться, рассуждать холодно, как учил Арден. Но всё внутри кричит: он знает слишком много.

Если всё это время он знал, кто я... Почему молчал? Почему позволял мне работать рядом с ним?

Может быть, он не узнал меня?

Да, возможно. Я должна вести себя спокойно. Как обычно. Тогда он ничего не заподозрит. Заставляю себя дышать ровно. Ещё чуть-чуть. Прочитаю до конца и всё пойму. Но с каждой строкой чувствую: моя жизнь уже не будет прежней.

«Мотив не установлен. Возможна причастность высших чинов».

«Доступ к делу ограничен по распоряжению дознавателя Альберта Ардена».

Глаза жжёт, но я не позволяю себе заплакать. Глотаю слёзы, вместе с воздухом, вместе со страхом.

Что, если Арден умышленно замял это дело? Что, если он покрывал убийцу?

– Боже… – выдыхаю я, поражённая своей догадкой.

Голос предательски дрожит. Я роняю папку. Страницы с шелестом разлетаются по полу. Отчёты, протоколы, показания. Всё перемешалось.

– Нет, только не это… – шепчу, падая на колени.

Хватаю первый попавшийся лист, затем следующий, и ещё один. Стараюсь уложить их в том порядке, в котором они лежали. Но страницы путаются, номера не совпадают,

буквы расплываются перед глазами.

Сердце стучит где-то в висках. Кажется, что этот звук заполняет весь кабинет. Я пытаюсь успокоиться. Нужно всё вернуть на место, пока Арден не вернулся. Но взгляд сам собой цепляется за строки.

«Соседка миссис Асторн утверждает, что видела возле дома человека в форме накануне убийства».

Сердце пропускает удар. Это мог быть кто угодно. Но почему в отчёте нет упоминания об этом свидетеле? Я читаю дальше, машинально сгибая колени, чтобы дотянуться до следующего листа.

«Показания признаны недостоверными. Соседка страдала провалами памяти. Подпись: А. Арден».

Перелистываю другой лист. Краешек порван, будто его вырывали.

«Свидетель погиб при странных обстоятельствах за день до допроса».

Мои пальцы дрожат сильнее.

– Почему… почему вы это скрыли? – шепчу в пустоту, будто он может услышать меня сквозь стены.

Собираю последние страницы, выравниваю стопку. И вдруг замечаю на обороте карандашную пометку.

«Приказ сверху. Остановить расследование».

У меня перехватывает дыхание. Если убийца был из знати, то всё становится на свои места. Ардена заставили закрыть дело. Может быть, кто-то из Министерства?

Звук шагов возвращает меня к реальности.

Судорожно складываю листы обратно, стараясь, чтобы углы совпадали. Кладу папку на полку. Туда же, где она стояла. Провожу ладонью по волосам, глубоко вдыхаю. Сердце всё ещё колотится, будто хочет вырваться наружу.

Щёлкает замок.

Я успеваю сесть в кресло, схватить со стола первый попавшийся документ и сделать вид, будто читаю.

Дверь медленно открывается.

– Мисс Холт, – голос Ардена спокоен, но в нём слышна усталость, – Вы нужны мне в допросной. Будете записывать показания.

Я киваю, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

– Да, господин Арден.

Поднимаюсь и иду к двери. Ноги предательски дрожат.

Спокойно, Элинор. Дыши. Никто не должен знать, что ты видела.

Шаги Ардена эхом разносятся по холодному коридору. Я сжимаю в руках блокнот и следую за ним, словно за приговором. Сердце колотится так громко, будто вот-вот выскочит из груди. Но если он знает правду, я тоже должна её узнать.

Допросная кажется ещё холоднее, чем коридоры управления. В воздухе пахнет кровью, потом и едва уловимым ароматом старого дерева. За столом сидит подозреваемый. Мужчина лет тридцати, с осунувшимся лицом и бегающими глазами. Его пальцы судорожно теребят манжеты рубахи.

Арден садится напротив, кладёт локти на стол. Пальцы сцеплены в замок.

– Кто убил девушку? – спрашивает он сразу, без церемоний.

Мужчина вздрагивает от неожиданности. Затем суетливо оглядывается по сторонам, ища поддержку.

– Я… – заикается, – я убил последнюю жертву…

– Только последнюю? – переспрашивает Арден. – А как насчёт других?

– Только её, клянусь! Я не хотел, я… – он сглатывает, взгляд мечется между нами, как у зверя, загнанного в угол.

Он не может быть убийцей. Слишком слаб. Слишком напуган. Слишком молод, для того, кто лишил жизни мою мать.

Я записываю всё в блокнот, несмотря на дрожащие руки. Каждое его признание кажется ложью, но я должна всё зафиксировать. Внутри меня нарастает противоречивое чувство: облегчение, что это не он, и ужас оттого, что настоящий убийца всё ещё на свободе.

Арден не отрывает взгляда от мужчины.

– Где вы были накануне? – продолжает он.

– Почему подошли к ней?

– Кто поручил вам это?

Вопросы звучат всё жёстче, как удары молота. Он не щадит его, как щадил меня. Мужчина путается в ответах, врёт всё больше и, в конце концов, теряет нить разговора.

– На сегодня достаточно, – произносит Арден вставая. – Мы вернёмся к вам, если понадобится.

Он кивает стражам. Те уводят мужчину, почти волоком. Я опускаю перо, выдыхаю.

– Это не он, – тихо говорит Арден, возвращаясь в кабинет.

Он прав. Я киваю, но внутри всё сжимается. Тогда кто?

Арден снимает перчатки, кладёт их на край стола. Его взгляд скользит по полке. Рука тянется к той самой папке. Он открывает её, листает спокойно, будто это обычные отчёты. Что-то переписывает в блокнот. Бумага шуршит. Каждый звук царапает по моим нервам.

Только бы не заметил. Только бы не понял.

– Пора домой, – наконец говорит Арден, закрывая блокнот.

Я молча соглашаюсь, едва поднимаясь со стула. Он кладёт папку обратно на полку. Мы выходим из кабинета.

Дорога домой проходит в молчании. Каждый занят своими мыслями. Фонари за окном тускло мерцают в тумане. Я перечитываю записи в блокноте и остаюсь при своём мнении: этот мужчина не убийца. Его подставили. Кто-то играет с нами, как с пешками.

После ужина дверь в гостиную приоткрывается.

– Мисс Холт, господин Арден просит вас зайти к нему в кабинет, – сообщает дворецкий.

– Благодарю, Освальд, – отвечаю я и поднимаюсь.

Стараюсь идти уверенно, будто всё под контролем.

Освальд открывает передо мной дверь, пропускает в кабинет. Когда я вхожу, Арден что-то пишет за столом. Дверь закрывается за моей спиной. Мы остаёмся наедине.

– Вы хотели обсудить подробности дела? – спрашиваю, стараясь не выдать волнения.

Он поднимает голову.

– Вам о чём-нибудь говорит имя Лидия Асторн? – спрашивает тихо, но с нажимом.

Сердце останавливается на мгновение.

– Нет, а кто это? – качаю головой.

– Жертва, убитая пятнадцать лет назад, – отвечает он, не сводя взгляда.

– Мне было четыре, – пожимаю плечами в надежде, что его устроит такой ответ.

– Вы слишком молоды, но не глупы, – в его голосе появляются металлические нотки, – Я хочу знать, почему вы скрываете правду, мисс Эвелин Асторн?

Я замираю. Он всё знает. Знает моё настоящее имя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.